

ЗЕРБЕРА

Беттер перемени

——
ДАРЬЯ БЫКОВА

Дарья Юрьевна Быкова Вербера. Ветер Перемен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43644559

Вербера. Ветер перемен:

Аннотация

Если что-то может пойти не по плану, оно пойдёт не по плану.
И перерастёт в настоящую катастрофу.

Сегодня ты – первый паладин, любимец короля и королевы, один из сильнейших магов в мире, а завтра – приговорённый к казни преступник, лишённый силы...

Сегодня ты в одном шаге от свободы, которую ждала семь лет, а завтра на поводке у врага, которого вот-вот казнят, отбирая и твою жизнь...

Сегодня вы – злейшие враги, источник бед друг для друга, а завтра... кто знает, что будет завтра?

Ведь всё, как известно, всегда идёт не по плану.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	41
Глава 5	53
Глава 6	70
Глава 7	86
Глава 8	98
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Дарья Быкова

Вербера. Ветер перемен

“Метаморфы – одна из высших форм нечисти. Виртуозно маскируются под человека, на деле же не имея с человеческой расой ничего общего. Жестокие. Беспринципные. Жадные, даже алчные.

Рекомендация: уничтожить при первой же возможности”.

Руководство для паладинов и инквизиции

“Метаморфы – один из самых эффективных видов нечисти. Умные и универсальные. Приручению не поддаются. Злопамятные.

Рекомендация: держать на поводке смерти. В случае малейших сомнений, немедленно убить”.

Пособие по чёрной магии, пятый уровень

Глава 1

Отражение в зеркале резало глаз. Непривычно было всё. Выше среднего рост, тонкий нос, чёрные глаза и особенно – пепельные волосы. Научившись обращаться, никто из метаморфов не возвращается к первоначальному облику: куда лучше, веселее и спокойнее надевать личины одна за другой, как какая-нибудь человеческая модница меняет одежду...

Я бы тоже не стала, но первый рыцарь короля, паладин от

Бога и, поговаривают, тайный возлюбленный королевы лорд Рравеш, вампир его дери, слишком хорошо различает малейшие оттенки магии. Сунуться к нему в дом – само по себе уже самоубийство, а уж сунуться в изменённом состоянии...

Нет, надо идти так, какой бы беззащитной я себя ни ощущала. Это чувство обманчиво. Не будет превращений, не будет и моего следа, и лорд паладин никогда меня не найдёт...

Я в десятый раз поправила туго заплетённые волосы, белоснежные манжеты, одёрнула передник. Чем не идеальная горничная? Особенно если глаза вовремя опускать. Нащупала в потайном кармашке письмо, и, накинув плащ, выскользнула, наконец, из дома. Великая богиня изменчивых, пускай мне повезёт как обычно. Или даже чуть больше, всё же в такие авантюры я ещё не ввязывалась.

Экономке, несмотря на крайнюю нужду – две горничные из трех вчера неожиданно взяли расчёт по семейным обстоятельствам, а третью ещё неделю назад отпустили навестить матушку в другом городе, я не понравилась. То ли глаза опустила недостаточно быстро и скромно, то ли излишне долгий взгляд дворецкого сослужил не лучшую службу, а может, недоверие внушил сам мой вид... Так или иначе, пожилая дама поджала губы, неодобрительно вздохнула и заявила:

– Здесь работать надо, милочка. А не хвостом вертеть.

Я подняла глаза, спокойно выдержала неприязненный взгляд – мысль о том, что вредная экономка может и ногу сломать на улице, здорово этому способствовала, и ответила

со всей кротостью:

– Именно работу я и ищу, госпожа.

– Два серебряных в месяц, – выталкивает из себя госпожа.

Правильная цена – две таких монеты в неделю, более того – это минимальная цена. Поэтому я встаю и молча направляюсь к двери. Разумеется, я устраиваюсь не ради денег, я бы сама ещё приплатила за возможность пошарить в кабинете лорда паладина, но всё должно выглядеть правдоподобно. Покажи я, насколько мне нужна данная работа, и скупая старуха ноги о меня вытрет, да ещё потом и не возьмёт. Я ожидаю, что она одумается, пока я иду, но если нет – что ж, я позабочусь, чтобы больше никто не пришёл, а сама завтра “случайно” попадусь ей на улице. Уверена, всего одной уборки этого особняка, сделанной своими силами, экономке хватит, чтобы сумма возросла до трёх серебряных в неделю, как и полагается.

Видимо, дамочка как раз представила себе объём той самой работы, потому что в шаге от входной двери я услышала:

– В неделю.

Другое дело, старая гримза. Совсем другое дело.

– Но даже не думай схалтурить, вылетишь в тот же день!

– Разумеется, госпожа, – в моём воображении дамочка ломает уже вторую ногу.

– Приступай прямо сейчас, – делает мне величайшее одолжение экономка. Ничего, сочтёмся.

– Да, госпожа.

Разумеется, к покоям и кабинету хозяина гримза меня не подпустила. Кряхтя и охая – я готова побиться об заклад, что на девяносто процентов это просто показуха – убирала сама. Ничего. Я так сразу и не рассчитывала. Пару дней потерплю, а дольше дамочка сама не выдержит. Да и мне полезно осмотреться... Вот только бы лорд паладин эту пару дней тут не появлялся!

Увы, лорд Рравеш – чего ещё ждать от паладинов, природа их такая – гадская, не преминул заявиться в свой собственный дом, причём заявился даже до заката, что для приличного человека из высшего света вообще нонсенс и моветон. Да ещё и гостя с собой привёл, и какого! Инквизитор. Один из верхнего круга. Я знала, точно знала, что они не смогут меня узнать, даже заподозрить ничего не должны, в своём настоящем облике у меня нулевой магический фон, и всё равно – сердце взметнулось испуганной птицей, забилося о грудную клетку, кровь закипела, требуя немедленно превратиться в змею или в мышшь, или в кого угодно, лучше всего в тень, хоть это я и не умею, но инстинкты ничего не хотят об этом знать – требуют исчезнуть. И одного из этих двоих хватит, чтобы сильно попортить жизнь и шкуру бедному метаморфу, а уж двое в одном месте...

Лорд Рравеш в лучших традициях аристократии не удостоил прислугу ни одним взглядом, и за это я ему была бы благодарна, если бы в принципе знала, что это такое. А

вот второй... возмутительно долго разглядывает подол моего платья где-то чуть пониже спины. Я полирую какую-то статую в дальнем углу прихожей, и никак не могу заставить себя повернуться. Я ни за что на свете не хочу встречаться с этим масляным взглядом, который чувствую даже не то что кожей – юбкой! К счастью, этих двоих ждут дела, так что настырный инквизитор следует за хозяином дома в его кабинет, я же, пытаясь перевести дух, иду в сад. Может быть, потом найти этого инквизитора и прикончить? Так, для гарантии, чтобы точно никогда не узнал... впрочем, он из верхнего круга, не стоит себе льстить.

В саду к моим ногам тут же бежит кошка, и я, погладив её всего пару раз, торопливо возвращаюсь в дом. Так и проколоться недолго. Всем известно, что кошки любят метаморфоз, ибо кошки – дети богини, как и мы...

Под пристальным взглядом экономки начинаю вытирать пыль по третьему кругу. Рабочий день у меня до заката, и хотя я уже прибрала всё, что она мне доверила, смотреть, как кто-то помимо неё самой бездельничает, гримза, похоже, не может, как и отпустить меня раньше. Так что я бестолково хожу из угла в угол, полируя и так чистые поверхности...

Приближение инквизитора чувствую загодя, и мне приходится сделать над собой колоссальное усилие, чтобы не обернуться раньше времени, чтобы не сделать слишком резкого движения, лишь бы он ничего не заподозрил... Оборачиваюсь я будто случайно: просто закончила вытирать давно не

существующую уже пыль и повернулась идти дальше. Мгновенно опускаю глаза, костерю про себя неугомонного гостя паладина на чём свет стоит.

– Ты очень красивая, – говорит мужчина. Вот его бы тоже вампир какой задрал, а? У меня в этом деле всего одна попытка, потому что личину менять я не могу.

– Благодарю, господин, – обречённо шепчу. – Разрешите идти?

– Нет, постой, – тянет руку к моему лицу. Мне хочется рычать и кусаться, но жить хочется больше. – Я где-то тебя уже видел...

Вот уж бездарное враньё! Я сама себя в истинном облике уже сколько лет не видела, еле узнала, а уж этот-то...

– Какие-то проблемы, лорд Лейрон? – хозяин дома застыл на лестнице и, кажется, собирается спускаться к нам. Вот теперь я почти что паникую. Сейчас спустится, и они вдвоём примутся меня рассматривать и расспрашивать?!

– Нет, нет, всё в порядке, лорд Рравеш, – удивительно быстро пошёл инквизитор на попятную. – Просто девочка симпатичная...

К чести лорда паладина надо сказать, что вопреки законам гостеприимства он и не подумал предлагать своему гостю понравившуюся тому служанку. Честь и хвала за это лорду. Но на то, что я собираюсь сделать, такая мелочь никак не повлияет.

Кристиан Рравеш стоит на лестнице до тех пор, пока его

гость не уходит, а затем, снова не удостоив меня взглядом, идёт наверх.

Фух. Кажется, мне в очередной раз повезло, хвала богине! Вряд ли он даже рассмотрел моё лицо, максимум – запомнил приметный цвет волос, но это-то можно изменить и без магии, хоть и муторно. Я бы и сюда не сунулась со своим родным и слишком светлым, но проклятый Айгор не оставил мне времени...

Следующим утром я специально пришла чуть позже, чем оговорено, рискуя навлечь на себя недовольство экономки, зато гарантировано избегнув встречи с хозяином дома. Впрочем, как бы госпожа Марийка на меня ни злилась, уволить она меня не смогла – по какому-то невероятному стечению обстоятельств вчера поздно вечером экономка оступилась и сломала ногу. Я ни при чём. Честно. Магия метаморфов замкнута на них самих, нам недоступно никакое воздействие на других людей, так что даже просто сглазить я и то её не могла. И масло на лестнице точно не проливала. Чудеса, да и только. Не иначе как богиня и в самом деле играет на моей стороне.

Экономка торжественно страдала в кресле, заливая боль от ускоренной регенерации большим количеством какой-то жидкости, подозрительно похожей на коньяк, а мне кроме обязанностей по уборке дома достался ещё целый вагон поручений. При этом уборки в покоях лорда среди списка за-

даний не было. Бдит, старая гримза... ну да ничего. После такого количества коньяка, она и завтра будет ни на что не годна, а не убирать в покоях хозяина более одного дня подряд – это уже совсем дно для уважающей себя домохозяйки.

Я поворчала для порядка, принимая список дополнительных обязанностей, и госпожа Марийка, морщась и обзывая нынешнюю молодёжь всякими разными словами, обещала доплатить. Так-то лучше. Люди доверяют тем, кого пришлось уговаривать, куда больше, чем тем, кто сам предлагает.

Одно из поручений экономки – вот честное слово, кажется, она выдала мне свою недельную норму, ни за что не поверю, что всё это пожилая женщина успевала за отведённые мне полдня – привело в торговые ряды, причём, далеко не самого высокого уровня. Подозревая госпожу Марийку во всех грехах сразу: от желания сварить приворот и выйти замуж за хозяина – а что, было бы смешно, так паладину и надо, просто потому что он паладин, до покушения на отравление короля, я всё же зашла в указанную лавку, назвала номер, который мне сообщила экономка и забрала дурно пахнущий бумажный пакет. Дурно – это для метаморфов, человек вряд ли что почувствовал бы, мне же хотелось выбросить неприятную ношу как можно дальше. Понюхать бы в изменённом состоянии – я могла бы сказать куда больше.

Среди людей бытует неверное мнение, что у метаморфа

тысячи ипостасей. Нет, всего две. Своя, первоначальная, и вторая – изменённая и изменяющаяся. И вторая куда чувствительнее, быстрее, выносливее и сильнее... и заметнее для всех охотников на нечисть, с какими бы целями они ни охотились: убить или приручить.

Мы с пакетом, стараясь сохранять дружественный нейтралитет – я его несу, но как можно дальше от себя, а он не вырывается, уже проделали половину пути, когда богиня послала мне испытание.

– М-м-мяу!!! – не услышать этот отчаянный вопль было невозможно. Как и звонкий залиvistый лай и не менее звонкий гогот.

Я знала, что увижу, ещё до того, как вывернула из-за угла. И точно. Парни лет пятнадцати-шестнадцати, богато одетые, праздно шатающиеся и, кажется, несмотря на ранний час, принявшие на грудь подобно госпоже Марийке. Один из них держит за шкурку маленького рыжего котёнка, держит на вытянутой руке, а снизу беснуются собаки. Две злобных псины... Вокруг зеваки. Кто-то смотрит с жалостью, кто-то с жадным любопытством, но вмешиваться всем не по рангу. Да и ради чего? Вот и стоят, молча глазают. Вздохнув, ставлю пакет в сторону. Не будь свидетелей, я бы просто убила этих троих. Для метаморфа сделать свою руку острейшим кинжалом – легче лёгкого...

– Господа, отдайте его мне! – я смиренно прошу, проклиная про себя зевак. Ничего. Если не выйдет спасти, я всех

вас запомнила. Найду и убью, пусть и не сразу. На память не жалеюсь.

– Отдадим. После собак, – скалит зубы и громко смеётся долговязый невзрачный парень. Ему кажется, что он хорошо пошутил. Я отмечаю сутулые плечи, суетливые движения... из всех сил старается выглядеть не тем, кто он есть. Он и сейчас стоит здесь не по злобе, а по глупости, но я не пастырь, чтобы прощать идиотов.

Заводила – тот, кто держит котёнка – рыжий, крепкий, но невысокий парень, скользит по мне оценивающим взглядом.

– За поцелуй, – наконец, говорит он. И показывает, что целовать его надо где-то пониже ремня на штанах.

Теперь я клянусь себя последними словами. Вот что стоило, слышав шум, сменить ипостась и выйти уже в другом облике. А если бы ещё пакет где припрятала, глядишь, и вообще можно было бы прикончить их прямо тут. Ну пошумел бы город пару недель, что бесчинствует оборотень, походила бы в родном облике, который не фонит и который никто ни в чём не подозревает... теперь же мой родной облик видело слишком много людей, а я очень хочу жить. Настолько, что даже к паладину вон полезла...

– Господин шутить изволит? – тяну время, не зная, что предпринять. Одновременно делаю шаг вперёд – быть поближе. Подхватить, если бросит. Кошачий вой рвёт душу, сжимаю кулаки. Человеческий бог явно некоторых своих подопечных недоделал. И, хочу заметить, что процент брака

у человеческого бога крайне велик! Мог бы сосредоточиться на качестве, а не на количестве...

– Господин оказывает тебе милость, – отзывается рыжий, кажется, уже и в самом деле настроившись на новое развлечение в виде так кстати подвернувшейся служаночки.

Я протягиваю руку и забираю котёнка. Рыжий детина ухмыляется, собаки принимают с недоумением – не могут понять: то ли напасть, то ли бежать прочь. По запаху я типичный человек, но, видимо, есть ещё какое-то чувство, которое порождает в собаках смутное беспокойство. Впрочем, вряд ли этого хватит, чтобы они отступили.

– Не хочешь целовать, будешь вместо котёнка! – щурится заводила. – Ату!

Я срываюсь с места раньше, чем он договорил. В собак летит пакет с дурными травками, надеюсь, отобьёт нюх и побавит им энтузиазма, я же со всех ног бегу по улице, прижимая к груди несчастного котёнка.

Слышу, как собаки жалобно скулят и фыркают, то ли и в самом деле потеряв нюх от травок, то ли благоразумно рассудив, что связываться с человеком, и ещё вопрос с человеком ли – совсем не то, что с беспомощным котёнком, что бы там глупый хозяин ни приказывал... В любом случае, у них и у меня прекрасное алиби в виде на редкость вонючих травок. Я уже завернула за угол, когда рыжий опомнился:

– Собак моих попортила, дрянь?! – донеслось мне вслед. – Ну я тебя!..

Торопливые шаги трёх пар ног. Я чуть притормаживаю перед следующим поворотом, чтобы господа не утратили ориентир. Если эти дурачки так и будут сбивать себе дыхание, сотрясая воздух бесполезными приказами и не очень-то искусными ругательствами, придётся вообще на шаг перейти. Кто ж так гонится? Мне что, упрашивать их пойти за мной?.. Ну же, давайте, слабаки. Всего-то несколько сотен шагов надо пробежать... и желательно бежать достаточно быстро и азартно, чтобы не понять раньше времени, куда я вас веду.

В каждом городе есть места, куда не следует ходить людям. Места, куда и паладины не любят заглядывать, а стража – та и вовсе обходит по широкой дуге, не решаясь поднять глаза. Прекрасный будет урок для зарвавшихся выродков – ощутить себя на месте беспомощного котёнка...

Был момент, когда они чуть не повернули назад. Но нет. Привычка к безнаказанности, избалованность, желание поймать и наказать дерзкую простолюдинку, азарт и похоть не оставили ни одного шанса благоразумию, и они даже не поняли, когда район поменялся...

Я же просто запрыгнула на крышу дома за очередным поворотом – здесь не жилище паладина, здесь можно и превратиться чуток, и оттуда, глядя мурлыкающего котёнка, наблюдала за бестолковыми метаниями невезучей тройцы. Почему невезучей? Потому что их уже заметили, и к ним уже идут. Вот парочка явно скучающих оборотней, а вон и ещё один

с другой стороны подтягивается... Дальше я не стала смотреть. Не интересно. Убить – не убьют. Наверное. Напугают до заикания, оберут, может, сил отопьют...

Котёнка я выпустила на чердак дома, где уже жила кошка с котятами. Живи долго и интересно, малыш. Здесь чтут богиню, а значит, не обидят...

Глава 2

Не особо надеясь, я всё-таки вернулась на место конфликта: вдруг мешок с травками каким-то чудом уцелел? Зеваки уже разошлись... а вот собаки остались. И слегка потрёпанный пакет с травками лежит между ними. Стоило мне оказаться ближе, чем в пяти шагах от них, и псины начали скалить зубы и рычать, показывая, что добычу не отдадут. Будь сейчас ночь, или будь это место безлюдным и необитаемым, я бы разделалась с собаками ещё легче и охотнее, чем с их дурными хозяевами. Но на дворе белый день, на окнах домов то и дело колышутся занавески, да и прохожие, хоть и редко, но есть... Надо обходиться тщедушным человеческим телом и его очень скромными возможностями. Нельзя, чтобы с моим настоящим обликом связали хоть какую-то странность. То, что придурки забежали не в тот район – ерунда, главное, чтобы на месте конфликта не было ни капли моей магии...

– Отдай! – решительно приказала я, делая шаг вперёд. Одна из собак вскочила и, поджимая хвост, сделала шаг навстречу, рычание стало громче. Плохо.

Но если не получилось с наскока – видимо, одинокая девушка не кажется псам хоть сколько-нибудь значимой угрозой, а смутное беспокойство уже забыто, ведь я веду себя как человек, попробуем по-другому.

– Грымза меня уволит, – доверительно сообщила я собаке,

замерев на месте. – А мне работа очень нужна, понимаешь?

Собака чуть склонила голову на бок, подняла уши. Не понимает, но слушает.

– Тебе ведь не нужны эти травки, правда? – ласково проворковала я, и сделала малюсенький шаг вперёд. – А мне без них никак нельзя... понимаешь? Ты ведь умная, хорошая собачка... красивая. Мудрая. Большая, сильная...

Собака рыкнула, но чуть отступила. Беда только, что у меня хвалебные прилагательные заканчиваются, заговаривать зубы – не моя сильная сторона. Но, кажется, в данном случае важен тон, так что к тому моменту как я оказалась всего в шаге от заветного пакета, про гримзу, которая меня уволит, я успела сообщить раз десять. Причём, с неласковыми прилагательными в сторону гримзы дело обстояло куда лучше, чем с хвалебными в стороны псины...

Я была очень близка. Я присела и под пристальными взглядами обеих собак уже протянула руку к мешку раздора, и тут раздался женский вопль:

– Ох! Какой ужас! Лорд, сделайте же что-нибудь! Эти звери сейчас разорвут бедную девочку! О, мне плохо!

Псины вздрогнули от резкого звука, стряхнули напавшее от моего монотонного речитатива оцепенение, и одна из них, видимо, вспомнив про службу, вцепилась-таки мне в руку. У меня было время, чтобы призвать силу, сделать запястье скалой, о которую ломает зубы любая собачища, но свидетели! Свидетели! Будь они дважды укушены и трижды по-

люблены каким-нибудь вампиром или оборотнем... Особенно эта дамочка, да и неведомый лорд тоже, чтоб его... Чего он медлит? Пусть уж и в самом деле делает что-нибудь, а то отрастить новую руку я не факт, что сумею, да и больно мне!

Впрочем, тут я была несправедлива. Буквально секунда, и собака с жалобным воем летит прочь, перекатившись по земле и вскочив на лапы в паре десятков шагов, поскуливая, догоняет вторую – та улепётывает от кнута с весьма впечатляющей скоростью.

Резкий, не терпящий возражений голос:

– Покажи руку!

Я спрятала прокушенную и кровоточащую ладонь подальше за спину и подняла взгляд. У лорда первого паладина, оказывается, очень чёрные глаза. Слишком чёрные для воина света. Будь я инквизитором, за один такой взгляд отправляла бы на костёр, иная нечисть куда скромнее и благочестивее смотрит.

Опомнившись, опускаю глаза. На пару секунд позже, чем следовало бы, но чего уж теперь. Что значил со стороны паладина затянувшийся взгляд, даже думать не хочу. Страшно.

– Всего лишь царапина, сиятельный лорд. Не стоит вашего...

Видимо, у лорда паладина нет времени на пререкания с излишне скромными или просто туповатыми служанками, он бесцеремонно поднимает меня, подхватив под мышки, а затем на запястье моей здоровой руки смыкаются жёсткие

пальцы. Наверное, лорд паладин ничуть не горячее обычного человека, но мне его прикосновение кажется обжигающе-горячим, как будто бы это уже инквизиторские клещи...

То, что произошло дальше, я не могла предположить даже в самой невероятной и невоздержанной фантазии, да и никто не предположил бы, я уверена. И списать произошедшее можно разве что на патологическую жадность уважаемого лорда – вероятно, он приравнивает слуг к своему имуществу, и ему жаль, что имущество попортилось... Так или иначе, Кристиан Рравеш вздумал меня лечить. И окажись он, как и полагается паладину и воину света, обладателем белой магии, я бы скончалась на месте в страшных муках, не имея возможности закрыться от такой волны силы и прямого физического контакта. Вырваться из хватки вроде бы и не сильно сжимающих запястье пальцев – нечего и думать...

Но лорд – вот так сюрприз! – чёрный маг. Чернее не бывает, не зря у него такой взгляд... и я еле сдерживаюсь, чтобы не застонать от обрушившегося на меня удовольствия. Тёмная сила – восхитительное наслаждение, чистый кайф и настоящий наркотик для любой нечисти. Узнай кто, что паладин “кормил” метаморфа, мне и делать больше ничего не понадобится... жаль только, что гореть в очистительном костре вместе с “кормильцем” придётся и метаморфу, так что этот вариант мне, по понятным причинам, не подходит.

Рука заживает мгновенно. Ещё бы. Лорд был так щедр, что и у обычного человека всё бы затянулось, вот только для

обычных людей нет никакой разницы – светлая или тёмная сила. Не маг даже и не поймёт, чем на него воздействовали.

Сеанс лечения закончен, и я еле удерживаюсь от того, чтобы потянуть руку к себе. Чего он медлит?

– Благодарю, лорд паладин, – выдыхаю, поднимая глаза. Я очень старалась, чтобы прозвучало с благодарностью и испугом, но получилось... томно. Я бы даже сказала страстно. Не приглашающе, нет, но на грани, и взгляд мужчины темнеет ещё больше, хотя больше, казалось бы, и некуда. И руку он мою так и не спешит отпускать, и клещи... то есть пальцы как будто бы становятся ещё горячее и чуть мягче.

– Лорд!

Спасительница! На плечо Кристиана Рравеша ложатся тонкие пальчики. Высокая, невероятно изящная женщина с вьющимися рыжими волосами. В её тоне столько всего... но явственнее прочих слышится команда “фу!”. Фу, лорд Рравеш, не подбирай с земли всяких покусанных служанок...

– Леди, – холодно отзывается мужчина. И я, не избалованная светской жизнью, перевела бы это как “ша!”. – Вернитесь, пожалуйста, в экипаж. – А вот и команда “место”.

Девушка, вспыхивает – с рыжими это происходит очень легко, и получается очень ярко, и бросив негодующий взгляд на меня и на начавших снова собираться зевак, молча уходит.

– Ты тоже идёшь в экипаж, – Рравеш отпускает-таки мою руку, и – вот уж никакого понятия у человека об этикете и

субординации – поднимает с земли, вручает мне злосчастный пакет. – Я тебя отвезу.

Не знаю, о чём думала рыжая девушка – я старательно не поднимала глаз всю дорогу, и всё, что видела – кусочек её роскошного зелёного с серебряным платья и чёрные, невыносимо блестящие сапоги лорда, но в основном – дурно пахнущий пакет на своих коленях. В том, что служанка едет с господами в экипаже, нет ничего такого уж необычного, но вот изменение маршрута специально, чтобы эту служанку куда-то завезти... так или иначе, леди хранила ледяное молчание, как и лорд. Но сопела крайне выразительно – ещё выскажет ему. По крайней мере, попытается.

Когда Рравеш собственноручно открыл для меня дверь экипажа возле своего дома, я поняла – остаться в глазах первого паладина неприметной и ничем не выделяющейся из серой массы остальных слуг точно не получилось.

Следующим утром гримза швыряет в меня ключами, едва я переступаю порог:

– Приберись в покоях лорда!

Я беру ведро, швабру, метёлку для пыли и поднимаюсь наверх, предполагая увидеть в хозяйских покоях всё, что угодно: от полностью голого паладина, растянувшегося во весь рост в необъятных размеров кровати в ожидании новой игрушки, до вооружённого до зубов и, разумеется, в отличие от паладина полностью одетого отряда инквизиции. Неспро-

ста ведь это, ой неспроста. Особенно после вчерашнего...

В покоях пусто. Спокойнее от этого не становится, но я осматриваюсь с самым беззаботным видом, на который способна, демонстрируя слегка смущённое любопытство. Кровать у лорда, кстати, не так уж и велика, всего-то полтора моих роста как вдоль, так и поперёк. Зато никаких излишеств в виде золотых вензелей или ангелочков не наблюдается. Строго и аккуратно. Поставив ведро в центр комнаты и кое-как пристроив к нему швабру, осматриваюсь. Заглядываю в каждую из трёх дверей – оценить объём работы, и убедиться, что не прячется там какой-нибудь соглядатай, чуть-чуть кручусь перед зеркалом, вздыхаю при виде огромной ванны – это ж всё надо мыть! И невольно застываю перед портретом лорда в его кабинете.

На портрете Кристиан Рравеш в полный рост, и он слишком... живой. Матово светится смуглая кожа, переливается чёрная как смоль коса, змеится по губам неприятная усмешка... пожалуй, я понимаю, почему сиятельный лорд предпочёл сие творение великого мастера спрятать, не вывесил в гостиной, как нынче модно. Портрет говорит о лорде слишком многое, показывает и тёмную магию, и непростой характер...

А бросив взгляд на глаза, я и вовсе вздрагиваю – ощущение, что портрет на меня смотрит. Оценивающе, и я бы даже сказала, что оскорбительно.

Дальше ощущение взгляда преследовало меня везде. И

когда я вытирала пыль в кабинете, не коснувшись и пальцем словно нарочно оставленных на виду бумаг, и когда, подоткнув юбку, добросовестно тёрла пол в спальне, и даже когда всё так же с закатанной юбкой драила ванну... Здесь взгляд ощущался сильнее всего, я даже оглянулась пару раз. Нет, ничего и никого...

* * *

Лорд Кристиан Рравеш, Божьей милостью первый паладин Его Величества Киррона.

Девчонка сразу показалась странной. Нет, вела она себя как образцовая горничная, вот только не работают девушки с такой внешностью и с такими выразительными глазами обычными горничными за пару-тройку монет в неделю. Нет, они живут совсем другим. В роскоши и страсти, по крайней мере, лет до тридцати-тридцати пяти, а затем выходят замуж за обнищавшего дворянина и изо всех сил демонстрируют респектабельность, тратя заработанный в распутной молодости капитал... и активно порицая своих последовательниц.

Но он и думать о ней забыл, как только скрылась с глаз, и уж конечно не стал бы лично проверять и присматриваться – дел хватает и без того, чтобы следить за каждой смазливой горничной, но...

Она не плакала. Огромная псина прокусила ей руку, ка-

жется, до самой кости, а девчонка не проронила ни одной слезинки, и даже не вскрикнула, в отличие от громко и истерично вопящей спутницы. Лорд Рравеш ещё не встречал ни одной девушки, любого происхождения, которая в подобной ситуации не обливалась бы слезами. Это было уже совсем странно, и оттого увлекательно. Несомненно, девчонка – за-сланный агент, и с задачей запасть если не в душу, то хотя бы в мысли лорда она справилась отлично. Ну что ж, теперь ход за ним, и он его уже начал: показать доверие, потом участие... Выявление шпионов – это как рыбалка. Приманить, подкормить, дать то, что нужно.... А потом подсечь!

Это было совсем не обязательно, он и так узнает, если девчонка тронет что лишнее в покоях, но почему-то Кристиан Рравеш решил присмотреть за горничной лично. То ли потому что она слишком долго глазела на его портрет, то ли просто от скуки – чем ещё заняться паладину в ожидании аудиенции Его Величества?

Девчонка снова вела себя как образцовая горничная, и даже лучше. Она не то что не тронула бумаги, она даже и не попыталась прочитать, что написано хотя бы на верхнем листе, и Кристиан уже собирался разорвать связь с зеркалами и портретом, через которые подсматривал, но тут она закатала юбку, и почему-то избалованный женским вниманием лорд остановился. В конце концов, король ведь пока не позвал... а созерцать красивые женские ножки куда приятнее, чем обмениваться неприязненными взглядами с Главным Инкви-

зитором.

За это лорд был вознаграждён... или же наказан, как посмотреть – горничная добросовестно намывала ванну, а он не мог отвести взгляда от подола, колышущегося теперь куда выше уровня колен. И даже чуть не пропустил приглашение на аудиенцию, секретарю Его Величества пришлось повторить.

Что ж, если девчонка здесь с целью влезть к нему в постель и в душу, то первое он готов ей предоставить, второе же... второго, кажется, у него уже давно нет.

Глава 3

– Как тебя зовут?

Вздрогнув, оборачиваюсь. Вот это да! Для метаморфа пропустить приближение паладина – верная смерть и несмысленный позор. И то, что я в человеческой ипостаси, меня не оправдывает, как и то, что тут весь дом пропах магией этого лорда. Всё равно непростительная беспечность.

Злясь на себя, громыхнула кастрюлей об кастрюлю – в наказание за излишнее внимание лорда или же в назидание по этому же поводу, гримза отправила меня на кухню. А что? Уборка так уборка, не всё же в хозяйских покоях прохлаждаться...

Кристиан Рравеш развернул стул и уселся на него верхом, сложив руки на спинке. Видать, надолго...

– Лиза, господин, – сухо сообщила я. Почему-то первым желанием было выпалить совершенно неуместную правду – “Вербера”, пусть и сокращённую до менее приметного “Ир-би”. Колдует, лордик, как пить дать колдует. – Чем могу служить?

– Я удивлён, что ты не плакала... Лиза. Когда тебя покушала та собака.

Это ж надо так произнести имя. Как будто бы он слышал слова в своей жизни не слышал...

– Я никогда не плачу, лорд. – Чистая правда, между про-

чим. Этим и следовало бы ограничиться, но колдовство лорда толкает меня на излишнюю откровенность. – Плач – это зов на помощь. Тому, кто знает, что помощи не будет, незачем рыдать.

С досадой закусываю губу и с удвоенной силой тру кастрюлю. Из-под толстого слоя пригоревшего жира показывается блестящий кусок. Ну вот. Теперь придётся всё оттирать...

– Трудное детство? – тем временем интересуется лорд, внимательно изучая мою спину.

Я неопределённо пожимаю плечами – вообще-то, к детству у меня нет никаких претензий. Все мои претензии к конкретным людям, и хотела бы я сказать, что эти люди уже закончили или вот-вот закончат свой земной путь, но увы. Не все и не всегда, но я не отчаиваюсь. Придёт и их время...

– Невероятно красивая девушка, которая никогда не плачет, ещё и совершенно не болтлива... – задумчиво тянет Кристиан. – Но ведь идеальных женщин не бывает... Лиза. В чём подвох?

В том, что я – метаморф и твоя погибель, настырный ты лорд! А ещё от твоего, как тебе кажется, ненавязчивого и незаметного колдовства у меня голова болит и настроение портится!

Я всё же удерживаюсь, пусть и не до конца – в тоне явно сквозит недовольство:

– Полагаю, в скверном характере... лорд!

Паладина ни тон, ни сам ответ несколько не смущают.

– В таком случае, у нас с тобой много общего, Лиза. –
Голос лорда – мягчайший бархат. – Поужинай со мной.

На мгновение я испытываю соблазн поиграть в эту игру – потупить, покраснеть, проблеять что-то про то, что мне ещё надо домыть все эти кастрюли, прополоть пару клумб и выполнить с десятков других поручений... и если я при этом буду убедительно хлопать ресницами и вовремя бросать завлекающие взгляды, то уважаемая госпожа экономка отправится делать всё озвученное самостоятельно, я же – прямоком в покои лорда. А оттуда – в подвалы Инквизиции, потому что первый паладин – это не маг-недоучка, которого можно годами водить за нос... Вот только как отказать и моментально отсюда не вылететь? А вдруг лорд из тех, кто отказа в принципе не приемлет? Как мне от него тогда отделаться? Я посмотрела на кастрюлю – не ею же мне обороняться против чёрного-то мага в его доме? Сковорода была бы сподручнее.

Увы, лорд ждёт и приказ свой забирать не торопится...
Надо что-то ответить.

Тяжёлый вздох и “Простите, господин” – всё, что я смогла придумать.

– Не хочешь? – голос лорда всё тот же бархат, но мне мерещится в нём настолько искреннее удивление, что на лицо наползает неуместная ухмылка. Хорошо, что я к нему спиной. Повторяю:

– Простите, господин.

За спиной тишина, и я не выдерживаю – оборачиваюсь. Может быть, настырный лорд уже ушёл?..

Как же. Сидит всё так же на стуле, и смотрит... И в глазах его бесится тёмная сила, тянет, требует, обещает... У меня начинает кружиться голова, я еле удерживаюсь от того, чтобы сделать шаг вперёд... потом ещё один, и ещё, и так до тех пор, пока не окажусь совсем рядом...

– Кто ты? – спрашивает Кристиан Рравеш. И тьма в его глазах тоже спрашивает.

– Л-лиза, – с трудом отвечаю я. Прикинуться дурочкой – почти всегда беспроигрышный вариант. Вот только врать стало совсем тяжело.

Спасает меня дворецкий. Он невозмутимо wpłyвает на кухню, словно это гостиная лорда, держа в руках поднос, на котором лежит небольшая визитная карточка:

– К вам посетительница, лорд!

– Проводи ко мне, – распоряжается Рравеш, даже не взглянув на карточку. Кого-то ждал? Но к чему тогда зазывать служанку на ужин? Или лорд просто и так знает, кто пришёл, а дворецкий лишь соблюдает ритуал, дань приличиям?

– Л-лиза, – мягко передразнивает меня лорд, поднимаясь со стула. – Ещё увидимся.

И уходит, слава богине – наконец, уходит!

Паладинам, понятное дело, верить нельзя, но в данном случае я верю – Рравеш и в самом деле не планирует остав-

лять меня в покое. И тут уже не так важно, что им движет – похоть, интуиция или любопытство, что бы там ни было, при малейшем моём промахе интерес этот обернётся для меня подвалами Инквизиции. Или мгновенной смертью, если лорд будет милосерден. Я, разумеется, отчаянно не хочу ни того, ни другого.

По дороге домой меня дёргает Айгор. Дёргает в прямом смысле этого слова – вокруг горла сжимается невидимая петля, она жжёт и душит, но, к счастью, всего секунду. Выдохнув, ускоряюсь – надо успеть забежать домой, поменять не только внешность, но и одежду – мужчина в платье горничной будет смотреться нелепо и вызывающе... К Айгору я всегда хожу в личине мужчины, и один из самых больших подарков богини в моей жизни – маг верит, что это – мой настоящий облик, не знает, что в истинном облике у метаморфа нет магического фона, и я искренне надеюсь, что никогда и не узнает.

Разумеется, я подстраховалась – в том же доме, где снимает комнату горничная Лиза, поселился за сутки до неё молодой человек, приехавший в столицу по делам с недвижимостью. Горничная молодому человеку, судя по всему, приглянулась – он выпрашивал хозяйку про неё, так что если кто и засечёт, как Филипп выходит из комнаты горничной или же Лиза, наоборот, попадётся у двери Филиппа – ничего удивительного. Познакомились, поладили... погрешили.

С кем не бывает.

Айгор нетерпелив – я ещё только застёгиваю многочисленные пуговицы на рубашке Филиппа, а он снова дёргает за поводок, заставляя судорожно пытаться сделать вдох и порождая звёздочки в глазах... Когда-нибудь я его убью. Иногда, в моменты полного отчаяния, мне даже снится, как я вырываю сердце из его груди. Самонадеянно, но сон повторяется из раза в раз, и я смею считать это обещанием богини. Когда-нибудь она подарит мне этот шанс. Пока же... я не то что не могу сама его убить, я кровно заинтересована, чтобы никто другой не убил – как только остановится сердце мага, держащего поводок смерти, эта самая смерть найдёт и метаморфа, так опрометчиво попавшегося когда-то...

В дом Айгора меня в виде Филиппа пускают без каких бы то ни было вопросов, разумеется, всегда с чёрного хода. Без сопровождения поднимаюсь в кабинет – раньше меня всегда водил дворецкий, потом, видимо, маг расслабился, решил, что ложечки и другое фамильное серебро метаморф тырить не будет. Рано расслабился, но я пока что и в самом деле воздерживаюсь от пакостей – мелкие меня не успокоят, а для большой нет возможности.

– Ну? – Айгор сидит в кресле и пьёт. Судя по выдыхаемому аромату, пьёт уже давно и что-то забористое. – Не готово ещё, м-метаморф?

– В течение недели, – отзываюсь, усаживаясь в кресло напротив.

– Слишком долго, – кривится мужчина. Трёт лоб, и от прикосновения на бледной коже остаются красные пятна. – Может быть, ты дуришь меня, метаморф?

Глаза мага опасно сужаются, и я невольно задерживаю дыхание, стараясь унять зачастившее сердце. Нет, я не боюсь его, но я знаю, что сейчас будет больно. Ни одна встреча с Айгором не проходит без этого – как же не подёргать за поводок, привязанный, кажется, прямо к нервным окончаниям несчастного метаморфа, как не ощутить свою власть...

Но в этот раз он почему-то медлит. И снова пьёт.

– Этого мало, – наконец, изрекает маг. – Просто подставить – мало. Коронованная дура есть у него из рук готова... и ещё много на что готова, будет защищать... Ты... Ты рассоришь их! – глаза у мага неприятного серого цвета. Впрочем, в данном случае мне бы любой цвет не пришёлся по душе.

Похоже, у Айгора к первому паладину что-то личное. С чего бы ещё он так надирался и распинаялся...

– Ты отправишься на бал в честь дня рождения королевы, и соблазнишь его. Сделаешь так, чтобы он потерял голову и публично ею пренебрёг. Такое унижение она быстро ему не простит... – маг мечтательно прищуривается, я же еле слышно вздыхаю – кажется, он сильно перебрал и принимает меня за джина. Но донести до него абсурдность такого волеизъявления я не успеваю.

– Сделаешь всё как надо, и я освобожу тебя, Филипп, клянусь своей силой! Как только Рравеш издохнет опозоренный

и всеми покинутый, лишённый силы и регалий, от руки палача на главной площади... в этот же миг ты станешь свободным!

Айгор замолкает резко, словно в изумлении от того, что такое сказал. Может быть, не зря считают, что язык пьяных принадлежит не им, а богине? Как иначе с его губ могла слететь такая клятва?..

Я боюсь поверить. Но всё же нахожу в себе силы сказать:
– Я постараюсь, маг. Будь уверен, я очень постараюсь.

Укладываясь спать, я была уверена, что мне приснится свобода и ещё горячее сердце бывшего хозяина в моих руках. Разумеется, он не отпустит так просто. Обложится клятвами, амулетами, а то и телохранителями... но в любой клятве есть лазейка, а я умею ждать. Однако приснился мне почему-то Рравеш. Во сне он сидел точно так же верхом на стуле, щурил тёмные глаза и перекатывал на языке моё настоящее имя:

– Ир-рби... кто ты, Ир-рби?

И от этого “Ир-рби” сердце то растерянно застывало, то пускалось вскачь.

Следующим утром моросит дождь, а в покоях лорда обустроилась женщина. Вчерашняя гостья лорда Рравеша решила задержаться, и теперь ей нужна помощь, чтобы привести себя в порядок. И кто должен ей помочь, как не горничная?

Всё это госпожа экономка выдала мне с плохо скрывае-

мым, хотя, возможно, ею самой до конца не осознаваемым, злорадством. Дескать, знай своё место, вертихвостка. И как с лордом ни заигрывай, наутро пойдёшь прислуживать какой-нибудь из его благородных с виду дам...

Я и пошла, опустив голову – пусть гримза порадует, решив, что я в печали. Я же, на самом деле, в задумчивости – слишком странно всё складывается. Вроде бы и удачно – я вон каждый день уже в покои лорда наведываюсь, а уж одна клятва Айгора чего стоит, но мне начинает казаться, что судьба вдруг лишила меня выбора, и гонит узкой, строго предопределённой дорожкой прямо в капкан...

Вопреки моим ожиданиям, женщина в покоях лорда оказалась вовсе не рыжей, а блондинкой. Графиня Айра – тридцатилетняя вдова, совсем недавно прекратившая носить траур по мужу. Светлые волосы, голубые глаза, полные губы. Фигура – песочные часы. Красивая, на мой взгляд. Пока рот не откроет. Впрочем, вряд ли лорд пригласил её для бесед на ночь глядя...

– Что так долго? – капризно полюбопытствовала сидящая в кресле женщина, скользя по мне сначала равнодушным, а затем становящимся всё более неприязненным взглядом. Кажется, моя внешность пришлась ей не по душе. – Приготовь мне ванну, лентяйка. И поможешь помыть голову! Надеюсь, сумеешь...

Я молча изобразила реверанс и отправилась наполнять ванну. Знание, что я могу голыми руками свернуть шею по-

что любому из пытающихся утвердиться за мой счёт людей, сделало меня очень терпеливой и спокойной. Разумеется, я не убиваю на самом деле за такую мелочь, но я не чувствую себя беспомощной, как чувствовала бы настоящая горничная. А ещё сегодня в покоях не было ощущения взгляда. Так что я успела даже помечтать, что пока графиня будет в ванной, я отлучусь за полотенцем, или шоколадом – некоторые дамы любят пить шоколад, лёжа в ароматной пене, и подложу-таки куда-нибудь письмо. Графиня, сама того не зная, обеспечит мне и алиби и возможность. Может быть, она же поможет мне и на балу, раз уж Рравеш так к ней воспылал, что оставил у себя?

От мелкой мести я воздержалась – не стала делать ни воду слишком горячей или холодной, ни выдирать графине волосы, помогая мыть голову – и так у неё их не то чтобы много... Даже когда она вдруг ни с того ни с сего поинтересовалась, оказываю ли я подобные услуги Рравешу – тоже не стала. Как и отвечать на вопрос. Хорошие слуги не болтают о хозяевах, а я на ближайшие несколько дней – идеальная горничная, что бы там ни думал излишне внимательный ко мне лорд...

Графиня и в самом деле отправила меня за шоколадом на кухню, потом за книгой, потом снова за шоколадом, но дверь в кабинет сиятельного лорда, увы, закрыта, причём, закрыта закливанием. Похоже, не очень-то доверяет лорд своей гостье. Впрочем, думаю, что не доверяет он никому, а вчера

было просто испытание.

– Ты давно служишь здесь? – спрашивает женщина, оставляя прочь полупустую чашку. – Слишком сладкий, неумеха. За что тебя только Кристиан терпит?..

– Не так давно, как госпожа Марийка, мадам, – коротко отзываюсь я, выбрав один вопрос, который имел хоть какой-то смысл, пусть и небольшой. Забавно, но графиня своими вопросами рассказывает куда больше, чем сама узнаёт из моих ответов. Например, теперь я точно знаю, что раньше в доме у лорда она не бывала, или бывала очень давно, иначе бы не спрашивала... А ещё её поведение: и лихорадочный блеск в глазах, и обилие вопросов, и желание побывать везде, пометить собой каждый уголок покоев, говорит о том, что близости не было. Не так выглядит женщина, которую накануне любили... и странно, что я об этом думаю. Словно мне есть какое-то дело до того, кого, когда и в каких позах любила моя будущая жертва... Впрочем, спишем это на внимательность и привычку всё подмечать.

– Часто у него ночуют женщины?.. – леди пытается задать вопрос равнодушно-презрительно, а получается жалобно-тоскливо.

– На моей памяти, вы – первая, мадам, – честно отзываюсь я, и женщина просто расцветает. Наивная.

Теперь я уже не неумеха и лентяйка, теперь я – милочка. И после водных процедур дама меня не отпускает – усаживается в кресло перед зеркалом, и я битый час вожу по её во-

лосам расчёской. Словно от этого они должны вырасти или стать гуще... В какой-то момент мне мерещится из зеркала пристальный взгляд, как вчера, когда я убиралась в покоях, но это ощущение мгновенно пропадает, и я не могу точно сказать было или нет, успокаивая зачастившее сердце и в сотый раз проводя щёткой по светлым волосам...

Графиня упоительно любит себя в спальне лорда, я же размышляю о делах более приземлённых и насущных. Сегодня мне в кабинет не попасть. Завтра, вероятно, тоже... А через пару дней уже бал по случаю дня рождения королевы, и мне надо бы осуществить подлог до него. Может быть, подложить в почту, которую дворецкий чинно приносит лорду каждый вечер? Но лорд ведь сразу обнаружит это письмо и доложит королю. Ну или просто уничтожит... Может, спрятать в подушку или матрас? Для любовной переписки вариант неплохой, но для письма, где речь о государственной измене – совершенно не то. Не хранят такие письма. Вообще не хранят. Так что и матрас, и подушка, и даже тайник на заднем дворе отпадают. Остаётся кабинет или почта. Но как сделать, чтобы лорд не прочёл, пока не явится доблестная Инквизиция?..

Лорд Рравеш – лёгок на помине – появляется так неожиданно и неслышно, что я, увидев вдруг его отражение в зеркале, вздрагиваю и невольно дёргаю графиню за волосы. Она совершенно не по-благородному шипит, но при этом пытается одарить хозяина покоев ослепительной улыбкой. Взаим-

ности улыбка не встречает.

– Графиня, – вежливо и холодно роняет Рравеш. – Вы можете возвращаться в свой особняк. Никакой угрозы больше нет.

От лорда чуть заметно тянет тьмой, гарью и чем-то кроваво-затхлым. И даже коса немного растрепалась. Паладин совершенно некстати ловит на себе мой взгляд, и чуть усмеяется. Куда теплее, чем графине.

– Кристиан, я вам так благодарна! – вскочив из кресла, женщина порывисто устремляется к нему. Но первый паладин замечательно умеет как сжигать, так и замораживать взглядом – шаги графини замедляются, и вместо того, чтобы повиснуть у Рравеша на шее, как, вероятно, изначально собиралась, она просто останавливается в шаге от него. – Я ваша должница!

– Внизу ждёт экипаж, я провожу, – лорд открывает перед графиней дверь, бросив выразительный взгляд на дверь ванной.

Я – понятливая, идеальная горничная, так что когда лорд возвращается, в его покоях уже никаких следов пребывания графини – я даже постельное бельё сменила, и ванна наполнена. Мне достаётся благодарный взгляд – что, в общем-то, неплохо и категоричное “зайди через полчаса”, что уже гораздо хуже...

Деваться некуда – захожу, пытаюсь подготовиться к чему угодно, хотя, вероятнее всего, снова будет допрос. Хорошо,

если не домогательства, хотя и то, и другое чревато...

Но лорд, в чистой одежде и с чуть влажными ещё волосами, молча усаживается в кресло перед зеркалом, где не так давно сидела графиня, и протягивает мне гребень. Я мысленно проклиная графиню, Рравеша и даже себя, старательно избегая того, чтобы встретиться в зеркале с тёмным взглядом. Густые, чёрные волосы завораживают. Кажется, что они переливаются, струятся сами собой в моих руках. Так и тянет умыкнуть волосок, я многое могла бы с ним сделать, тот же приворот, например... но единственный волос, который мне удалось вычесать, тут же исчез, рассыпавшись еле заметными искрами.

Подобраться к паладину и в самом деле непросто.

Глава 4

Бал уже завтра, а письмо, которому предназначено погубить первого паладина, так и томится у меня в потайном кармане. Впрочем, само письмо за неимением души, может, и не томится, а вот я томлюсь и всё больше нервничаю. Слишком высоки ставки в этот раз, чтобы отступить или проиграть.

Оптимальным вариантом кажется подложить письмо завтра. Лорд заедет переодеться перед балом, так что письмо дворецкий традиционно отнесёт. Вот только как сделать, чтобы лорд не уделил времени на просмотр корреспонденции? Насколько я знаю, отвлечь мужчину может либо любимая женщина, либо любимое дело. Выбор однозначно в сторону последнего, ибо в этом ошибиться сложнее, да и организовать проще...

Поэтому ночью я иду прогуляться в тот самый район, где, надеюсь, натерпелись страха мучители рыжего котёнка. Наверняка, найдётся что-то интересное, что можно своевременно подкинуть паладину, аккуратно чтобы занять его до бала, и даже заставить на этот самый бал слегка опоздать – учитывая, что мне надо поссорить его с королевой, опоздание на бал в честь её дня рождения будет очень кстати...

Никакой солидарности к обитателям квартала у меня нет. Метаморфы традиционно чужие везде, разница лишь в том, что нечисть боится и поэтому не трогает, а люди боятся, и по-

этому преследуют... тёплых чувств, логичным образом, метаморфы не испытывают ни к одним, ни к другим. По крайней мере, в общем. В частном – бывает... и для этих самых метаморфов плохо заканчивается.

Гулять я отправилась в виде обычной кошки – удобно. И мне нравится. Не удержавшись, заглянула в дом, где живёт теперь спасённый рыжик – котёнок сладко спит, свернувшись клубочком на чердаке, рядом с ним стоит миска со свежим молоком, и я, подавив в себе не пойми откуда взявшееся чисто кошачье желание замурлыкать, иду дальше. Надо найти для паладина что-нибудь интересное. На рядовое задержание вампира он не рванёт, отбросив почту и позабыв бал, так что нужно что-то поинтереснее... На мгновение представила, что я похищаю экономку, госпожу Марийку, и аккурат перед балом подбрасываю прядь её волос. Или палец. Идея вряд ли осуществимая – дом паладина слишком хорошо защищён его заклинаниями, но помечтать-то я могу?

Как назло, обычно весьма беспокойный район прикидывается в эту ночь образцово-показательным. Никаких всплесков силы, никаких стычек на улице, ничего интересного... Нет, я заприметила пару домов, где обитала точно интересная инквизиции и паладинам нечисть, а кое-где и нежить, но, увы, не настолько, чтобы сам первый паладин отложил из-за этого дела...

Мне повезло уже на рассвете, на обратном пути, причём, совсем не там, где я искала – в уважаемом районе, на

набережной, вдруг потянуло еле ощутимо запахом страха, боли и безнадёжности. Днём его вряд ли вообще можно учуять – в суете и свете дня такие слабые ароматы не выживают...

Спрятавшись в тени, я перекинулась в птицу, легко перелетела через забор, стала заглядывать в тёмные окна... дом казался пустым, либо спящим, либо и вовсе необитаемым. И всё же... в доме кто-то тихо плакал, еле слышно, но надрывно. Увы, становиться туманом и просачиваться через щели я не умею, так что пришлось вернуть себе человеческий облик – почему-то сам собой получился образ поразительно похожий на лорда Рравеша, я поморщилась, углядев отражение в стекле, но менять не стала, и, придав руке необходимую твёрдость, разбила окно. Внутрь прыгнула уже снова кошкой – незаметнее, удобнее, да и смущать никого обнажённым человеческим телом не буду.

В доме два этажа, и звук идёт снизу, из подвала, однако я первым делом обхожу первый и второй этаж, и только убедившись, что никого нет, иду к подвалу. Дверь заперта на засов, и на нём нарисованы какие-то руны кровью. Я принохиваюсь – несёт тленом. Вампир? Некромант? В любом случае, открывать эту дверь я не рискну – подцепить проклятие в мои планы совершенно не входит.

Снова принимаю человеческий облик, на этот раз становлюсь девушкой, пусть и не самой собой, и осторожно зову:
– Эй... кто там?

Всхлипы, доносящиеся из-за двери, тут же прекращаются. Пара секунд тишины, затем я повторяю вопрос.

– Помогите!.. – очень проникновенно просит женский голос. – Пожалуйста... кто бы вы ни были! Я очень щедро заплачу, я сделаю для вас что угодно! Я – маркиза де Рие, меня удерживают здесь против воли... только... только не трогайте дверь сами! Ни в коем случае не прикасайтесь! Вы умрёте, а он сразу поймёт... Идите в Инквизицию, или к паладинам, расскажите, что я тут... Скорее. Пожалуйста, я так боюсь, что он вернётся, пока вы ещё тут... уходите, уходите же!

Я не заставила себя упрашивать – обернулась кошкой и ушла. Маркиза де Рие... знакомое имя. Я слежу за светской хроникой, потому что иногда мне приходится бывать на балах, и я должна ориентироваться в персонажах высшего света, так что я помню маркизу – молодая, очень красивая и обеспеченная вдова. В прошлом сезоне за неё дрались два герцога, а она потом – в конце сезона – взяла и уехала, оставив обоих ни с чем... а вот теперь выясняется, что вовсе и не уехала, а всё время была тут... Думаю, это и правда она. Занятно. И как бы мне сообщить паладину, чтобы и вовремя и остаться ни при чём?

Дворецкий чинно поднимался вверх со стопкой сегодняшних писем, когда я оступилась, покачнулась, взмахнула руками, пытаюсь удержаться... поднос взмыл в воздух, и письма разлетелись по всей лестнице. Я восстановила, на-

конец, равновесие, помогла устоять опешившему от внезапного нападения мужчине, и, горестно извиняясь, принялась ползать по лестнице, собирая письма. Немного опасалась, что лорд Рравеш, прибывший около получаса назад, выглянет из своих покоев, или же что дотошный дворецкий пересчитает письма, но всё обошлось. Одарив меня осуждающим, но снисходительным взглядом, мужчина чопорно продолжил своё восхождение в покои лорда, я же, попрощавшись с неприязненно кривящейся гримзой, выскользнула на улицу. У меня всего несколько минут, чтобы организовать паладину срочную весть. Хотелось бы всё заранее, но, увы, не получилось бы. Приди гонец слишком рано, и дворецкий и вовсе не понёс бы лорду письма, приди поздно – лорд прочитал бы... приходится подстраиваться по ходу.

Ближайшая подворотня, смена внешности, изменение платья – выворачиваю юбку, меняя цвет, срываю белоснежные манжеты и воротничок, и вот я уже не горничная, а какая-нибудь купчиха средних лет... Ловлю первого попавшегося мальчишку, сую ему золотой и записку. Срочно – вопрос жизни и смерти, передать первому паладину лично в руки. Обещаю мальчишке, что паладин его тоже наградит, и проследив, что пацан не сбежал, а энергично трезвонит в дверь, направляюсь к себе. Мне ещё к балу готовиться, чтоб его...

На королевский бал, разумеется, не приглашают кого попало просто так... а вот по протекции вдовствующей коро-

левы-матери – приглашают, хоть и все знают, что протекцию эту предприимчивый маркиз де Корд продаёт направо и налево. Так что у меня есть официальное приглашение на имя баронессы Лисс, и платье, разумеется, есть, а вот времени на сборы практически нет, и то, что есть, я трачу отнюдь не на причёску или макияж – я трачу на создание лица. Мне нужно приятное, но обычное, совершенно неприметное лицо. Лицо, которое будет вызывать желание помочь, и будет тут же забываться, как только скроется из глаз... Нет, я вообще не собираюсь соблазнять лорда Рравеша собой – слишком опасно. Я боюсь, что оказавшись рядом на расстоянии менее метра хоть на сколько-то продолжительное время, он почувствует мою магию, поймёт, кто я. Так что у меня другой план. Но на балу мне надо всё-таки быть... Платье у меня чёрное, бархатное – сейчас это модно, так что я без труда сольюсь с остальными модницами... и, пожалуй, буду единственной, кого это обрадует.

Я сделала всё, чтобы не выделяться. Пришла не очень рано, но и не очень поздно, чуть сутулилась, демонстрируя ту же неуверенность и смущение, что и большинство остальных девушек, заносчиво задирала нос, когда натыкалась на взгляд кавалеров попроще, смущённо пялилась в пол, когда достаивалась мимолётного внимания кого-либо из завидных, по мнению света, женихов... протанцевала пару танцев, ещё несколько посидела в углу... в общем, всё шло своим чередом, разве что паладин задерживался. Ждала его не одна я

– рыжая истеричная дама, благодаря которой пострадала моя рука, без конца таращилась на дверь, даже несмотря на то, что она пользовалась куда большим успехом, чем я. Королева – я бросала на неё периодически любопытные взгляды, если и ждала своего любимого паладина, никак этого не показывала. Впрочем, ей и нельзя. Я поискала глазами графиню Айру – тоже, наверное, ждёт... И ещё чёрт знает, сколько женщин. Одна из них определённо должна мне помочь.

Паладин появился ближе к середине бала. Цвет его костюма тоже чёрный, но в отличие от большинства, ему он идеально идёт. Кристиан Рравеш преклоняет колено перед имениницей, что-то говорит, и под конец королева даже улыбается ему, и в этой улыбке мне мерещится нечто гораздо более интимное и личное, чем просто милость монарха... ничего. Мы скоро это исправим.

Я дожидаюсь, когда, наконец, лорд оставляет королеву и попадает в объятия дам, жаждущих с ним танцевать. С рыжей он танцует всего один раз, а вот с молодой, яркой брюнеткой – уже второй танец подряд, и я решаю действовать, вдруг лучшего момента уже не будет. Не зря ведь говорят, что лучшее – враг хорошего. В погоне за идеальным можно и вовсе шанс упустить...

Навешивать заклятие приворота на паладина – чистое самоубийство, но мне это и не нужно. Я не собираюсь колдовать, я буду... молиться. Богине. За первого паладина, да. Нахожу взглядом Рравеша – он как раз очень заинтересо-

но пялится на брюнетку, причём взгляд от глаз постоянно сползает в декольте... Благословение богини усиливает влечение. Делает, пусть и ненадолго, любовь и страсть самыми главными в жизни, отменяя остальное даже не на второй, а на десятый план. Не навязывает нового, просто усиливает тягу к тому, кто и так привлекает. Милостью богини Рравеш теперь от своей брюнетки до конца вечера не отлипнет, может, даже предложение успеет ей сделать... полагаю, этого должно быть достаточно...

Богиня ответила, я ощутила это как ласковое прикосновение к щеке, почему-то лёгкий смешок, словно я просила что-то смешное... а затем, всё пошло наперекосяк. Вместо того чтобы прижать брюнетку к себе покрепче, лорд вертит головой в разные стороны, словно кого-то высматривает. Я ещё надеюсь, что он высматривает рыжую, или же – как знать? – возможно, его мысли и в самом деле занимает главным образом королева, и он сейчас пойдёт и сядет у её ног, и проведёт там весь вечер, пытаясь незаметно полапать за коленку... что, в общем, тоже неплохо – его король за такое без всяких доказательств прикончит...

Взгляд Рравеша останавливается на мне. Что за чёрт? Нет-нет-нет, не может быть. Лорд за последние два дня и словом со своей горничной Лизой не перемолвился, ни одним взглядом не удостоил, не может быть, чтобы она, то есть я, привлекала и занимала его больше, чем остальные женщины.

Благословение богини не делает различий по внешности и личине, так что если лорд по каким-то причинам предпочёл бы сейчас своей брюнетке и остальным горничную Лизу, его теперь как магнитом тянет ко мне! Ещё несколько секунд я надеялась, что ошиблась, что не могла я так саму себя подставить... а затем бросилась наутёк, опасаясь даже взглянуть на стремительно приближающегося ко мне паладина.

Я понимаю, что нужно бежать. Из дворца, из города, хорошо бы из страны... вот только у меня нет такой возможности – поводок не зря носит такое название, оказаться дальше определённого расстояния от Айгора я просто-напросто не смогу, остаётся только наматывать круги по городу, пока паладина не отпустит... Впрочем, для начала надо выбраться из дворца. К тому моменту как я выбежала в сад, паладин уже, видимо, успел отдать приказ – ворота закрыты, и вдоль забора курсирует стража. Так что бежать приходится в противоположную сторону... скрыться в тени, перекинуться в птицу...

Не пойми откуда взявшийся Рравеш, совсем не галантно заломив мне руку, впечатывает в дерево.

– Кто ты? – вкрадчиво спрашивает он. – Что ты сделала? Как ты это сделала? И почему теперь убегаешь?

Щёку и декольте царапает кора, дыхание лорда опалает шею. Он слишком близко. Слишком.

– Отпустите, – шепчу я. – Баронесса Лисс. Я ничего не делала.... Лорд паладин, что происходит?! Что вы себе поз-

воляете?!

Рравеш втягивает воздух, почти что коснувшись носом моей шеи... и всё становится плохо окончательно.

– Метамо-о-орф, – тянет он. Рывком меня разворачивает.

Вокруг давно стемнело, но ночь – ничто по сравнению с тьмой в глазах Рравеша, его тьма обездвиживает, парализует... И если бы у меня и было, что ответить, я бы не успела – паладин впивается в мои губы, кажется, больше наказывая за обрушившуюся на него страсть, нежели пытаюсь её утолить.

– Поводок? – шепчет, обжигая дыханием. – Кто твой хозяин, метаморф?..

Я молчу. Да и как тут что-то скажешь, когда паладин снова целует, а у меня кружится голова – от страха и от стресса. А может, от того, что ладонь паладина легла на моё горло, словно тот самый поводок... и от его пальцев вдруг по всему телу ледяные искры.

– Теперь я, – ухмыляется лорд. – Так что ты всё, – я чувствую, как юбка поднимается, – мне, – на бедро ложится горячая ладонь, – расскажешь, метаморф. – Ладонь неумолимо ползёт вверх. – Просто чуть позже...

– Лорд Рравеш!

Я перевожу дыхание, но ничего хорошего, честно признаться, уже не жду. Ставки в игре были высоки, и я проиграла по всем фронтам.

В нескольких шагах от нас стоит королева, и я понимаю, что все слухи о её чувствах к паладину правда – губы Её

Величества дрожат, а в глазах копяты слёзы.

– Лорд! – повторяет она, видимо, не находя других слов.

Паладин отпускает моё бедро. Убирает руку с моего горла, убирает прижимавшую меня к дереву силу...

– Иди, – коротко бросает он. И я бегу со всех ног прочь, хотя всё это бесполезно.

Я, кажется, блестяще справилась с заданием, и знатно подставила лорда... но вместо вожеленной свободы меня ждёт мучительная смерть в тот момент, когда казнят Рравеша. Проклятый паладин передёрнул поводок на себя...

В отчаянной попытке что-то исправить я перекидываюсь в собаку, едва выйдя за пределы дворца, и мчусь со всех ног к дому паладина – быть может, обыска ещё не было, быть может, я успею изъять письмо?..

Увы. У дома стоит человек пять инквизиторов, во всех окнах горит свет, и мне страшно представить, сколько инквизиторов там внутри... Поздно.

Пытаясь реализовать хоть какие-то преимущества сложившейся ситуации, я навестила Айгора. Но его предсказуемо не оказалось дома и, судя по некоторому беспорядку и лёгкой растерянности слуг, он сорвался в бега крайне оперативно и совсем недавно – как раз сразу после того, как Рравеш вырвал из его рук поводок. Моего бывшего хозяина можно понять – во-первых, перетянуть поводок невозможно, а значит, тот, кто это сделал, очень силён, во-вторых, метаморф, больше не связанный смертельным заклитием, при-

дёт убивать.

Утренние газеты я могла бы и не читать, но с каким-то мазохизмом покупаю по экземпляру каждой, чтобы найти везде одно и то же: лорд Кристиан Рравеш, первый паладин Его Величества обвиняется в государственной измене и будет казнён завтра на главной площади... Впрочем, об этом знают даже те, кто не покупает свежую прессу, и даже вовсе не умеет читать – главную новость года, если не десятилетия выкрикивают все мальчишки-разносчики...

Глава 5

От глубины ямы, которую я вырыла, как оказалось, самой себе, а не только паладину, захватывало дух и отчаянно сосало под ложечкой. Ещё недавно мне казалось, что труднее задачи, чем опорочить лорда Рравеша, в моей жизни не было и вряд ли будет, а теперь я понимаю, что это были сущие пустяки, да и на подготовку у меня было очень, очень много времени... Теперь же у меня менее суток на то, чтобы вытащить лорда из подвалов Инквизиции. Я даже малодушно подумывала о том, чтобы вместо отчаянной и бессмысленной суеты насладиться своим последним днём. Вот только не придумала, как именно. Отправиться к морю, как мне давно хотелось, я всё ещё не могу, можно даже не пробовать – Рравеш не совсем идиот, чтобы делать поводок длиннее, чем тот был, обожраться пирожными и горячим шоколадом – мелковато, еда никогда не была моей страстью... перерезать горло парочке своих врагов? Меня бы устроило, но те, к кому у меня и в самом деле счёты, вне досягаемости...

Пока размышляла, наведальась в тот дом, где обнаружила маркизу де Рие. Не то чтобы я собиралась выступить в роли спасительницы, если лорд вдруг не преуспел, но выкинуть бедняжку из головы никак не получалось. Да и отчего бы не сделать напоследок хоть что-то хорошее?

Впрочем, ей паладин помог. Теперь в доме во всех поме-

щениях горели магические светильники, хотя рассвет уже почти на исходе и света более чем достаточно и с улицы. Бледная, заплаканная женщина сидела, закутавшись в плед, и не сводила слезящихся глаз с солнца. Узнать маркизу было сложно, но я не сомневалась, что это она, и ощутила даже что-то похожее на сочувствие. Вероятно, бедная маркиза слишком долго не видела света... Интересно, кто её запер и зачем? Может быть, я могла бы его навестить напоследок, если план по спасению первого паладина так и не появится?

– ...нет-нет-нет, госпожа, простите, но я не смогу. Нет, только не туда... Куда угодно в другое место, хоть в сумрачный квартал, но только не к ним!

Кроме маркизы в комнате была ещё невысокая женщина лет сорока. Она доставала из шкафа платья, рассматривала и либо вешала обратно, либо бросала на пол – то, что в нынешнем сезоне уже не надеть – устарело.

Я заинтересованно мурлыкнула – чёрт возьми, надо заканчивать с прогулками в виде кошки, а то и в человеческом обличье мяукать и мурчать начну, и наострила ушки.

– Чем тебе не угодили инквизиторы, Майя? – устало вздохнула маркиза. – Ты же понимаешь, я не могу отправиться к ним одна! Тем более на опознание!

– А ну как покажется им что? У меня, госпожа, по молодости любовь с оборотнем была. Давно всё минуло, но вдруг как учуют? Я вам кого-нибудь найду!

– Кого-нибудь? – кривится маркиза, всхлипывает. – Кого?

“Меня!” – хочется крикнуть мне. Маркиза, родная, мне как раз в Инквизицию надо, да так, что мочи терпеть нет! Я даже за хвост себя кусаю от разочарования, что надо бежать в свой район, чтобы приодеться – если я появлюсь в доме маркизы голой, она ж меня Инквизиции и сдаст...

Майя, видимо, не найдя, что ответить, начинает говорить что-то о платье, которое держит в руках, я же изо всех кошачьих сил тороплюсь обратно. Быстренько надеваю платье горничной Лизы – соваться в Инквизицию в личине – примерно такое же самоубийство, как и в дом паладина, и, совершив небольшой крюк, чтобы разорить два своих тайника со всякими полезными зельями, в скором времени уже нажимаю на кнопку звонка в доме маркизы.

Удивительно, что она решила там остаться. Впрочем, возможно, у неё просто не было выбора – родственников у маркизы здесь нет, а чтобы поселиться в гостиницу, нужны документы, коих, насколько я понимаю, тоже нет. Инквизиторы и паладины, не знаю уж, кого там привлёк лорд Рравеш для своего последнего доброго дела в жизни, наверняка вычистили дом и поставили защиты, но от воспоминаний так просто не защитишься...

Мне никто не открывает, из чего я делаю вывод, что Майя как раз отправилась искать “кого-нибудь”, а сама маркиза либо не снисходит до такой бытовой вещи, как открыть дверь, либо, что более вероятно, просто боится...

– Госпожа, меня зовут Лиза, я – горничная лорда Кристи-

ана Рравеша! Он приказал мне вчера вечером, чтобы я сегодня пришла к вам и послужила у вас несколько дней! Госпожа, с вами всё в порядке? Лорд велел мне позаботиться о вас! Госпожа...

Дверь открылась. Маркиза де Рие всё так же кутается в плед, и на фоне весёлых красно-жёлтых клеточек кажется ещё бледнее и прозрачнее.

– Госпожа, я к вашим услугам! – я изобразила реверанс. Кажется, слишком изящный для горничной, но маркизе было не до этого, и мне тоже.

– Заходи, – тихо сказала она, и я скользнула внутрь.

– Прикажете прибраться? Что-нибудь приготовить? Постирать?

– Н-нет, ничего не надо, сейчас не надо, – просит маркиза. – Главное – не гаси пока что нигде свет, хорошо?

– Как прикажете, госпожа!

Я застыла посреди комнаты, изо всех сил пытаюсь изобразить услужливость и живость. И маркиза решила: –

– Лиза... ты знаешь, что со мной было? – она снова начала плакать, едва окончив вопрос, а я на мгновение растерялась, не зная, как лучше ответить.

– Я знаю, госпожа, что вы только что пережили какое-то испытание.

– Испытание... да. Пережила, – вздыхает женщина.

Я не люблю людей. Противоестественно относиться с симпатией к тем, кто объявил тебя персоной нон грата на этом

свете и открыл настоящую охоту, и я знаю, что эта страдающая дамочка, не моргнув глазом, пошла бы в других обстоятельствах смотреть на казнь метаморфа или того же лорда Рравеша, но почему-то мне всё больше хочется навестить того, кто с ней это сделал, и принести ей его сердце. Может быть, ей станет чуть легче и спокойнее.

– Мне нужно поехать в Инквизицию. Ты... могла бы меня сопровождать, Лиза?

– Да, госпожа, – я снова изображаю реверанс, а женщина вздыхает с облегчением... и порывисто меня обнимает. Я невольно морщусь – кажется, я принесу ей дополнительные неприятности – если мне удастся каким-то чудом устроить побег, у Инквизиции будут к милой маркизе большие вопросы. С другой стороны... она обязана лорду Рравешу своим спасением, пусть теперь сделает что-то ради него.

Этой же фразой я себя успокаивала, накапав маркизе перед визитом в Инквизицию зелье, обостряющее чувства, вместо обещанного успокоительного. Чтобы был хоть какой-то шанс на успех моей самоубийственной затеи, мне нужна была очень нервная, способная упасть в обморок или впасть в истерику госпожа, и чтобы это было видно с первого же взгляда на неё. Во-первых, мне надо было чем-то оправдывать большое количество успокаивающе-усыпляющего зелья, которое я собиралась взять с собой. Во-вторых – отвлечь доблестных инквизиторов...

Для поездки маркиза выбрала одно из тех платьев, кото-

рые Майя безжалостно бросила на пол. То ли в пику не пожелавшей разделить с ней тяготы служанке, то ли потому что оно было самое закрытое и мрачное. Также она, несмотря на то, что на улице было тепло, и солнце припекало совсем по-летнему, надела длинный плащ с капюшоном. Я радостно последовала её примеру. Что ни говори, а чем меньше мелькает моё настоящее лицо, тем лучше. Перед тем как выйти на улицу к экипажу, любезно присланному Инквизицией, маркиза ещё около пятнадцати минут молча стоит перед зеркалом, то ли набираясь сил, то ли собираясь передумать... но я не могу позволить ей передумать и отложить опознание – слишком много времени и сил потрачено уже именно на этот план.

– Госпожа, идёмте, – я открыла входную дверь, и маркиза, горестно вздохнув, накинула капюшон и вышла на улицу, словно на казнь...

В экипаже она хватает меня за руку и снова начинает плакать:

– Нет, – шепчет. – Я не смогу! Не смогу! Снова его увидеть – всё равно что вернуться обратно... лучше умереть!

Я кусаю губы – кажется, с обострением чувствительности переборщила. Но успокоительное моё слишком сильное – заснёт ещё маркиза в экипаже, и весь план насмарку... Я глажу несчастную женщину по руке и сочувственно спрашиваю:

– Что с вами было?

Говорят, людям становится легче, когда они выплёскива-

ют свою боль в мир через слова... Пару мгновений маркиза молчит, а затем вцепляется в мою руку ещё крепче, правда, плакать перестаёт. Шепчет:

– Потом, милая Лиза. Как-нибудь потом... Сейчас не могу...

– Всё будет хорошо, – я утешаю её от всего сердца, так что добавляю то, о чём думается: – Он сдохнет, а вы будете жить!

Не знаю, подействовало ли моё незамысловатое утешение, или маркиза впала в ступор от такой приземлённой и прямой формулировки, но до конца поездки, которая, впрочем, длилась не так уж и долго, она молчит.

Огромное серое здание, четыре этажа наверх и, говорят, не менее четырёх вниз. Здание, от которого все более или менее вменяемые люди и нелюди держатся как можно дальше... Богиня, если я не справлюсь, сделай меня в следующей жизни лучше кошкой! Их хоть на поводок никто не сажает... Я даже мышей готова жрать, невелика печаль...

На входе в здание скучают два инквизитора, и если маркизе они почтительно кланяются, стоит ей себя назвать, то я и моя сумка вызываем немалый интерес. Содержимое сумки я охотно демонстрирую – объёмный пузырьёк, слегка фонающийся, как и полагается успокоительному в таком объёме. То, что объём на самом деле меньше, а стекло толще, чем кажется, и гасит магию гораздо лучше, чем можно подумать, остаётся, к счастью, моим личным маленьким секретом.

– Малышка, тебе не много? – весело хмыкает один из инквизиторов. У него серые глаза и веснушки.

– Моя госпожа очень нервничает, – отрываюсь крайне серьёзно. Нет, флиртовать с инквизиторами я не способна даже, видимо, под угрозой смерти. – И я тоже нервничаю, господин.

Старательно опускаю глаза. Оба смеются – видимо, испуг служанки им льстит, робость перед Инквизицией в целом они списывают на смущение перед собой, и, хвала богине, пропускают, толком не досмотрев.

Чуть поодаль стоит ещё один инквизитор, он приветствует маркизу де Рие, не снисходя, разумеется, до служанки, и ведёт её в подвал на опознание. Мне, конечно, туда и надо, но сложно избавиться от ощущения, что я не то что сама себе рою могилу, я уже выкопала, залезла и теперь активно сама закапываюсь... Шаги по плитам кажутся тиканьем часов, отмеряющих последние минуты жизни одного беспечного и невезучего метаморфа...

– Вам нужно просто на него посмотреть, – поясняет маркизе сопровождающий. – Мы уверены, что это он, но порядок есть порядок... – лично мне сочувствие в голосе инквизитора кажется наигранным и насквозь фальшивым, но маркизе, кажется, нравится. По крайней мере, она охотно берёт мужчину под руку, и, кажется, её даже трести меньше начинает.

Мы спускаемся на минус второй этаж. Если я правильно

помню – а план Инквизиции может купить на чёрном рынке любой желающий, вот только не знаю никого, кому бы это помогло, на минус втором этаже камеры для особо опасных. На минус третьем – допросные, то есть пыточные, а на минус четвёртом – хранилище артефактов. На минус первом – камеры для обычных преступников, еретиков и представителей нечисти...

Коридор петляет и петляет – говорят, это тоже сделано специально, вот только версии, зачем именно – расходятся, наконец, мы выворачиваем в небольшое расширение. Там три клетки, две из которых пусты, а в третьей – невысокий мужчина, чьи черты можно было бы назвать правильными и даже красивыми, если бы он не производил настолько отталкивающее впечатление. Возможно, сыграло ещё моё предубеждение, но что-то определённо было – маркиза взвыла и забилась в истерике при первом же взгляде, да так громко и проникновенно, что из-за угла выбежал ещё один инквизитор.

– Он... он... уведите меня. Пожалуйста, уведите! – стонала маркиза.

Как и полагается заботливой служанке, я поспешила её успокоить, сорвав пробку с бутылки с успокоительным и задерживая дыхание. Оба инквизитора к моей радости успокоились вместе с ней. На всякий случай, для гарантии, я влила в рот каждому из них ещё несколько капель. Пусть поспят... Неужели я правда это делаю? Если всё удастся, я стану са-

мым тщательно разыскиваемым преступником – такой плевок Инквизиция вряд ли простит...

Под пристальным и заинтересованным взглядом мужчины обшарила тела инквизиторов, старательно избегая прикосновений к амулетам, забрала только ножи, связку ключей и магические наручники – не знаю зачем, но вдруг пригодятся... теперь надо найти Рравеша.

– Эй, ты куда?! – потрясённо спрашивает мужчина, когда я, разжившись вещами, направляюсь за угол. Он что, решил, что это я его спасти собралась?

Оборачиваюсь.

– Освободи меня, – требует он, сжимая прутья решётки. – Не пожалеешь.

Голос у него не шибко приятный. Внешность же... чем больше смотришь, тем неприятнее. Впрочем, возможно, он добивался этого специально – всё тело, насколько можно видеть, в татуировках из магических символов и знаков. Некоторые я могу прочесть, они призваны усиливать страх. Но так как я страха не испытываю, остаётся лишь неприязнь.

Мучитель маркизы – некромант... С некромантом иметь дело по определению неприятно – специфические люди, которые черпают энергию из боли и страха, а слаще всего для них чья-нибудь смерть на жертвеннике в результате специального обряда. Говорят, человеческий бог от таких отворачивается, как и наша богиня, и остаётся им лишь чёрный бог, который и не бог вовсе, а просто огромная чёрная дыра, тре-

будущая всё больше и больше. Так что некроманты никогда не останавливаются...

– Что ты хочешь? – продолжает мужчина свой монолог, видимо, расценив моё молчаливое внимание, как заинтересованность. В этом он, на самом деле, прав. Рравеш наверняка уже лишён магии, иначе бы всю дёргал меня за поводок, требуя спасения, и мой план по отходу из здания Инквизиции слаб, ужасен и крайне рискован... с магом – некромант в магических браслетах, а значит, если их снять, сможет колдовать – отход будет гораздо проще.

– Помощи, – отзываюсь я.

– Помогу, – легко соглашается некромант. В коридорах не особо светло, но я могу различить, что глаза у него не чёрные, а тёмно-тёмно-синие. Чернично-чернильные. Не очень-то человеческие. – Открой клетку, ну же, – нетерпеливо требует мужчина. – Чего ты ждёшь? Скоро будет обход, думаешь, они не заметят тебя и три тела?..

Не то чтобы я не торопилась. Конечно, торопилась, ничуть не меньше, чем гадкий некромант, но я в своё время отлично усвоила правила блефа и торговли – выигрывает тот, кто может показать, что ему меньше надо. Тот, кто не в состоянии прикинуться незаинтересованным или заинтересованным самую малость, всегда платит полную, а то и двойную цену...

– Клянись своей силой, своим сердцем, что поможешь мне освободить и вывести из здания лорда Рравеша, и не причи-

нишь ни мне, ни ему вреда, – требую я.

– Рравешшша? – некроманта перекосило. Ещё бы, при упоминании паладина-то! И прорвало: – Я что, рехнулся, по-твоему? Да это ж настоящий праздник – инквизиторы жрут друг друга!

Я молча поворачиваюсь и делаю шаг прочь. Не надо бле-фовать, некромант, ты согласишься на все условия раньше, чем я досчитаю до трёх. Раз...

– Хорошо, – поспешно говорит мужчина. Я оборачиваюсь, но не двигаюсь с места, пока он бормочет клятву. Кажется, и в самом деле ему приспичило – ни одной попытки схитрить...

Впрочем, у него, кажется, был ещё интерес. Утешающий приз, так сказать. Как только я его выпустила и сняла с него магические браслеты, некромант подхватил на руки бессознательную маркизу, и так заулыбался, что меня передёрнуло. Кажется, он сильно к ней привязан, в своём, извращённом смысле.

– Скорее, – недовольно тороплю своего неожиданного сообщника. Не потому, что он как-то особо медлит, просто мне делается на редкость паршиво от одного вида, как мучитель снова прикасается к своей жертве. Это не моё дело, но тошно.

Из какого-то глупого упрямства и надежды на лучшее я накидываю капюшон, пряча лицо: предстать перед паладином в образе Лизы – последнее, что мне сейчас надо. Он же

прикончит меня прямо тут голыми руками, разом поняв, кто виноват во всех его бедах...

В одной из камер, мимо которых мы проходим, беснуется оборотень. Я чуть замедляюсь – чем больше союзников, тем лучше, но затем с сожалением прохожу мимо. Он безумен. Если его выпустить, на меня же первую и нападёт, или на некроманта... Не стоит.

Лорд Кристиан – вроде бы, его ещё не разжаловали – находится в самой последней, торцевой камере. Он стоит, заложив руки за спину, и безучастно таращится на коридор, и моё появление не оказывает никакого эффекта. При этом выглядит лорд почти как на портрете – элегантно и величественно, и это вызывает неожиданное и неуместное раздражение. Ну хоть бы волосы растрепались, или бы пятно какое на рубаху посадил... Чуть в стороне от лорда на полу стоит глиняная миска с какой-то неаппетитной бурдой, и деревянная кружка, полная воды. Паладин явно не притронулся ни к одному, ни ко второму. Опасается брать что-либо у своих бывших коллег? Или просто недостаточно ещё провёл здесь времени и брезгует? Впрочем, ему в принципе отмерен не такой большой срок... Интересно, королева собиралась прийти на казнь? – приходит ещё более неуместная мысль.

Некромант стоит у поворота, а я пытаюсь подобрать ключ, но получается не сразу – за моей вознёй паладин наблюдает безучастно, может, не знает, что его приговорили? Нет, не может не знать – магию блокируют только у тех, кого уже

приговорили, а магических браслетов, как были на некроманте, на нём нет... Может, принял меня за одного из инквизиторов? Вряд ли – юбка у платья пышная, так что даже под плащом не спутать меня с мужчиной...

Наконец, щелчок, и камера открывается. Вот только пленник, кажется, и в самом деле не рад – не двигается с места. Может, он как оборотень? Тоже уже того? Но мне плевать, мне не нужно его ментальное здоровье, мне нужно, чтобы жило тело, к которому он привязал мою собственную жизнь...

– Выходите же! – возмущённо требую я. Если он и правда невменяем, придётся некроманту бросить свою маркизу, и тащить лорда. О, я даже готова отдать лорда на пару обрядов, пусть бы некромант его мучил, мне главное, чтобы не до смерти...

– Метаморф? – одними губами спрашивает лорд, поднимая бровь, и разрушая картинку, уже сложившуюся в моей голове. А ведь она мне уже почти понравилась...

И чего же, скажите на милость, эта сволочь ждёт? Почему не выходит?

Я уже оборачиваюсь к некроманту, чтобы попросить его помочь, но тут Рравеш всё-таки отмирает и выходит из камеры.

– Не хочется сдохнуть, да, метаморф? – тихо и насмешливо спрашивает, проходя мимо меня. Как будто ему самому хочется!

Вместо ответа я обращаюсь к некроманту, который, кажется, и в самом деле вознамерился утащить маркизу с собой:

– Оставь её здесь.

– Нет, – решительно отрезает гад. – Она за всё мне ответит... и она так сладко меня боится!

Не выдержав, бросаю любопытный взгляд из-под капюшона на Рравеша – он невозмутим. Вот тебе и борец за светлое и чистое... Даже меня передёргивает. А ему хоть бы что...

Нам везёт, и пока мы поднимаемся, навстречу попадает всего один инквизитор – он не успевает ничего понять, я обливаю его своим усыпляющим зельем, а Рравеш подхватывает, чтобы не было шума от падения. Выйти будет сложнее – та парочка, что меня досматривала и скалилась, никуда не делась... Переодевать мужчин в инквизиторов бесполезно – служители Инквизиции ориентируются не столько на внешность, не говоря уже о том, что отлично знакомы друг с другом, сколько на специальные амулеты, которые невозможно, по крайней мере, за жалкие пять минут, перенастроить на другого... Впрочем, плащ паладин всё же с инквизитора снимает – не стоит привлекать лишнего внимания на улице, если... когда мы туда попадём.

Для того чтобы прорваться к выходу как раз пригодился некромант. Передав Рравешу маркизу – тот безропотно взял, некромант прямо выходит на инквизиторов, и раньше, чем они опомнились, с его рук срывается тусклый, мертвен-

но-синий свет, он окутывает своих жертв как туман, и уже не видно, что там с ними происходит, но у меня мурашки по коже от омерзения – кажется, он выпивает из них силу и саму жизнь, как какой-нибудь вампир...

Впрочем, это, как и страдания маркизы, вроде бы не моё дело. Мы выбегаем следом за некромантом на улицу, и я первым делом меняю внешность. Здесь уже можно, на фоне заклинаний некроманта слабенький след моей магии просто потеряется. Неужели получилось?..

Неподалёку стоит экипаж, в котором мы приехали сюда, и кучер – обычный человек, даже не понимает, что происходит – решил, что маркиза уже едет домой и сам подогнал экипаж... разубеждать его никто не стал. Мы набились в экипаж, Рравеш прикрикнул “гони!”, некромант потянулся к маркизе, которую паладин устроил рядом с собой...

Я медлю пару секунд, а затем, не чувствуя ни малейшего раскаяния, вонзаю нож ему в спину в районе сердца. Он обещал не причинять вреда ни мне, ни Рравешу, а вот я... я ничего не обещала.

Впрочем, развитие событий удивляет не только некроманта, если тот успел хоть что-то испытать, но и меня – из груди некроманта так же торчит нож!

Кажется, я зря гнала на паладина – мириться со злом он не намерен, даже и в отсутствие силы... Рравеш замечает мой нож, и мне становится уже не до размышлений: всё тело пронзает такой знакомой и ненавистной болью – хозяин

гневаются и наказывают:

– Метаморф! Не смей. Никого. Убивать!

Глава 6

– Метаморф, я ясно объяснил? – ледяным тоном спрашивает лорд, чуть ослабляя сжимающую горло невидимую петлю. – Люди для тебя неприкосновенны, пока я прямо не приказал иное.

– Ясно, – выдыхаю слегка осипшим голосом, костеря про себя на все лады бракоделов из Инквизиции. Даже силы лишиться полностью не смогли, слабаки! О том, что моя неволя у Айгора сменилась на ещё худшую неволю, я стараюсь пока не думать. Лорд крут и, кажется, скор на расправу... и если прошлому хозяину я была нужна и ценна, то этот, похоже, пустит меня в расход, как только отпадёт немедленная нужда и как только он получит ответы на свои вопросы...

Рравеш тем временем выглядывает в окошко и просит возницу сделать крюк к южным воротам.

Я молчу, но не могу отделаться от мысли, что он всё-таки рехнулся. Собирается вот так просто взять и выйти среди бела дня? Или пуще того – выехать в экипаже, и надеется, что туда никто не заглянет?.. Впрочем, возможно, лорд не совсем безумен – дальше выйти из города будет только сложнее, когда инквизиторы разберутся, что к чему и обнаружат потери... но есть ли на самом деле разница между “невозможно” и “совершенно невозможно”? Или у него там кто-то свой?

– Надевай свой плащ на некроманта, – приказывает лорд. – Быстрее.

Я слушаюсь. Оба ножа вытаскиваю, обтираю об одежду некроманта, один возвращаю в ножны, другой забирает Рравеш. Мельком отвечаю, что он протёр моим плащом, который теперь на некроманте, не только лезвие, но и рукоятку, которая побывала в моих руках, и почему-то хочется за это плюнуть ему под ноги. Оскорбление за оскорбление... вот только момент не подходящий, как и соотношение сил.

Экипаж сворачивает на небольшой переулок, ведущий уже к самим воротам, возница сбавляет ход, ожидая в любой момент команды остановиться...

– Будешь визжать над телом некроманта, – приказывает лорд. – Можешь кричать, что хочешь, но так, чтобы вся стража от ворот хоть на пять минут к тебе сбежалась. Через час не найдёшь меня за воротами, будет больно.

– А как я должна выйти из города? – недовольно шурюсь на лорда. Кошкой, богиня, пожалуйста, в следующей жизни просто кошкой...

– Птичкой, – хмыкает он и стучит вознице в стенку, приказывая остановиться. – Не мне тебя учить, метаморф.

Я беру некроманта и послушно выбираюсь наружу, удерживая своего уже неживого спутника в вертикальном положении. К счастью, наша с Рравешем общая жертва не так уж тяжела, а способности метаморфа позволяют сделать себя очень и очень сильной... а вот что меня действительно

беспокоит, помимо опасности попасть снова к Инквизиции – это то, что паладин знает о метаморфах слишком много. Айгор вот был уверен, что я могу менять лишь человеческие обличья... а этот... этот знает.

Выдержав паузу в полминуты – ждала, пока экипаж скроется за поворотом, я бросила реквизит в виде некроманта на землю, чуть поправила получившуюся позу, запахнула плащ, чтобы татуировки не было видно... и стала визжать. На “помогите!” люди реагируют куда хуже, чем просто на визг.

Очень скоро слышались первые шаги, в окнах зашевелились занавески, захлопали входные двери... и очень быстро вокруг образовалась толпа. Настроена толпа была по-разному:

- Что случилось?!
- Милая, что с вами?
- Нужна помощь?
- Он мёртв? Болен? Заразный?!
- Чего орёшь, припадочная?!
- Что? Что?!

Я дождалась, пока ко мне через толпу пробьются стражники, и заголосила с новой силой. Теперь уже со словами:

- Убийца... убийцаааа!.. У-у-у-у...

Сначала я собиралась честно заявить на лорда Рравеша – дескать, он убил несчастного невинного прохожего, потом подумала, что ни к чему наводить Инквизицию на след. Они и так догадаются, но пусть честно переберут все выходы из

города, начиная с самых малоохраняемых, незачем помогать им и связывать имя Рравеша с южными воротами...

– Куда побежал? Как он выглядел?.. – один из стражников встряхнул меня за плечи, и я, подвывая “в зелёном плаще-е-е, с ножо-о-ом”, указала в направлении узкой, петляющей улочки. Кажется, это одна из самых неудобных и узких улиц не только в столице, но и во всей стране... пусть побегают. Зелёный плащ в последнее время в моде...

Несколько стражников послушно рванули в нужном направлении, двое остались на месте предполагаемого преступления, пытаясь вернуть тихому обычно переулку былое спокойствие:

– Расходитесь. Расходитесь!.. – увещевали они набежавших граждан. Граждане слушались с неохотой, желая досмотреть происшествие до конца, выжать из него максимум для того, чтобы вечером за элем или чаем с пирожками делиться с соседями и друзьями...

Один из стражников склонился над трупом, осматривая. Свистнул, подзывая товарища – теперь они тарачились на узоры на теле некроманта вдвоём.

– Вы его знаете? – подозрительно поинтересовался один из них у меня.

– Нет... Я просто шла мимо. На рынок собиралась... А тут он выскочил, откуда ни возьмись, толкнул меня, я упала... а этого господина – он навстречу мне шёл – пырнул ножом... кажется, несколько раз!

Почему один из разов пришёлся в спину – это уж вы сами потом гадайте, господа. Жаль, что заплакать у меня не получается, ну да ничего...

– Некромант, – тем временем неосмотрительно говорит один стражник другому то, что и так читается в их взглядах... и я немедленно этим пользуюсь: вскакиваю на ноги и отбегаю подальше. Оттуда смотрю на хмурых мужчин огромными круглыми глазами, повторяю визгливо: “некро... некрмант?!”, зажимаю себе рот, имитируя, что сейчас стошнит и бросаюсь прочь.

Они не сразу понимают, что я рванула не на несколько шагов, чтобы в уголочке тихо справиться со стрессом, а по широкой улице, выходящей к рынку...

– Стой! Девка, ну стой же! Дурёха... – мне вслед несутся проклятия и торопливый топот.

Ну всё, паладин, я сделала и правда всё, что могла. Если на воротах кто и остался, думаю, он всего один, максимум двое – справишься как-нибудь... не мне тебя учить!

Народа возле рынка много, и стражникам сложно за мной поспеть, а я ещё и золотые монеты, прихваченные с собой, рассыпаю, выигрывая время. Пробегаю по рынку, петляя между рядов и убедившись после очередного поворота, что преследователей нет, ныряю в первую попавшуюся лавку с платьями. Хватаю одно, бросив на ходу, что госпожа отпустила меня буквально на двадцать минут и времени у меня очень мало, скрываюсь с ним в примерочной... нет-нет, по-

мощь мне не нужна, мне надо просто спокойно примерить и подумать.

Не трата время на то, чтобы снять платье – само свалится, обращаюсь в кошку и выскакиваю на улицу. Пробегаю под самыми ногами у рыскающих по рынку стражников, даю по носу когтистой лапой излишне смелой и наглой собаке, взбираюсь на дерево, и там уже, не спеша, продумываю, какой птицей стать.

Метаморф может принять любое обличье, но то, которое ещё не принимал, требует подготовки. Надо хорошо представить, что должно получиться, каждую свою часть, во всех деталях. Я не хочу становиться воробьём или голубем – меня сцапает какой-нибудь орёл или коршун раньше, чем я доберусь до паладина. А вот хищной птицей я пока ни разу не была... Так что минут двадцать я трачу, придумывая себе вид. И только после этого преодолеваю забор вокруг города, не поленившись пролететь над южными воротами и понаблюдать за суетой – там уже снуют инквизиторы, и направляюсь на поиски хозяина. Чтоб ему память и остатки силы отшибло!

Увы, ничего паладину не отшибло, даже, кажется, чувство собственной важности не особо пострадало. Я нашла его через полчаса после вылета, и теперь кружу сверху, не собираюсь спускаться. Даже интересно, он меня уже почуял, или у него просто совершенно нет чувства времени, и он не знает,

что час прошёл?..

Рравеш идёт на запад, минуя ближайшие деревни, хотя я была уверена, что он зайдёт разжиться одеждой и припасами. Впрочем, оказаться как можно дальше – сейчас самое важное. Интересно, как они будут его ловить, если он в курсе всех их хитростей?

Через несколько часов паладин жестом приказывает мне спускаться, не соизволив даже поднять взгляд, чтобы убедиться, что я ещё следую за ним. А впрочем, куда я денусь? Сложив крылья, резко падаю вниз, нарочно пикирую перед самым лицом лорда, и усаживаюсь на сухое поваленное дерево. Рравеш, надо отдать ему должное, даже не шелохнулся.

– Прими истинный облик, – приказывает он.

Я медлю, прикидывая, с какого обличья лучше начать этот раунд, и горло тут же сжимает ледяная колючая петля. Лорд нетерпелив. Но зато в мою сторону летит плащ. Любопытно. Лорд считает, что единственная проблема во всём этом – излишняя стыдливость?

Копирую облик Рравеша, не удержавшись от мелкого хулиганства – нос делаю длиннее – прямо на глазах у паладина он ползёт вперёд, зубы кривыми, уши оттопыриваются...

Лорд раздражённо дёргает бровью, и мне опять больно. На этот раз уже сильнее.

– Так теперь благодарят за спасение жизни в высшем свете? – силпо выплёвываю, держась за горло и намеренно утрируя причинённый ущерб.

Полученным обликом – как на балу, лорд тоже не доволен – щурится зло, но пока не дёргает за поводок. Спрашивает:

– Что ты сделала на балу? Почему меня к тебе так тянуло?

Посылаю лорду удивлённый взгляд.

– Я ничего не делала. У вас просто вкус странный, – наверное, глупо огрызаться и доводить лорда до точки кипения, но сдаться на милость борца с нечистью – ничуть не лучше.

– А почему теперь не тянет? – интересуется он, вроде даже и не столько зло, сколько насмешливо.

– Одумались, – максимально серьёзно предполагаю я. – Как известно, лучшее средство от любви с первого взгляда – внимательно посмотреть второй!

– Кто твой предыдущий хозяин, метаморф? – меняет тему лорд. Нет, надеяться, что паладин отступится хоть от одного вопроса, не приходится. Скорее, нащупывает, с чего начать. Где самое больное.

Я с тоской оглядываюсь – солнце уже почти коснулось края земли, скоро начнёт темнеть, а в выбранном моим новым хозяином для допроса месте нет даже пространства для костра – сплошь деревья, да огромная, с человеческий рост, широкая кочка, покрытая мхом и травой... Что ему именно сейчас приспичило выяснять? Хочет избавиться?..

– Поклянись меня отпустить, и я всё честно расскажу, – предлагаю без особой надежды, переходя на “ты”, раз уж и паладин не утруждает себя церемониями.

Лорд крайне неприятно смеётся – сухо и зло.

– Нечисть я отпускаю только на тот свет, метаморф. Так что тебе лучше не торопиться. И ты в любом случае не в том положении, чтобы ставить условия.

Я сдерживаю нервный смешок. Если отвлечься от моей незавидной ситуации, сам паладин тоже не сказать, что на коне...

– Интересно, – зачем-то говорю я, – инквизиторы признались, что потеряли вас, или торжественно казнили кого-то невинного? Как у вас, воинов света, принято?

Всё тело обжигает болью – словно удар хлыста. Стараюсь молчать, но от шипения не удерживаюсь. Нет, я и не думала, что лорд такое спустит. Не знаю, зачем сказала... Странно только, что наказание настолько короткое.

– Ты же всё равно в итоге всё мне расскажешь, – устало говорит лорд и кривится, словно это в его тело только что впивались тысячи невидимых иголок... – Любишь боль?

– Жизнь люблю, – огрызаюсь и продолжаю стоять на своём: – Расскажу в обмен на свободу.

На секунду мне кажется, что меня ждёт наказание длиной в целую ночь – в глазах паладина всё, что угодно, но только не жалость, да и благодарности там не сыскать, но Рравеш молча отворачивается к большой зелёной кочке, водит по ней рукой, словно, что-то выискивая... и, видимо, находит – в кочке отворяется дверь.

– Не в истинном облике даже не пытайся зайти, – бросает, не оборачиваясь.

Я смотрю на захлопнувшуюся дверь потайного лесного домика для паладинов и инквизиторов, зачем-то поправляю на себе плащ и недоумённо моргаю. Всё? Это правда на сегодня всё?

Разумеется, внутрь я не пошла, да паладин, уверена, и не рассчитывал. Просто любезно предостерёг, что место принадлежит Инквизиции и, значит, от всякой нечисти надёжно защищено. Но я бы в любом случае не стала заходить – что я там забыла, в крайне ограниченном пространстве, в обществе борца с нечистью?

Перекинувшись в большую кошку, взобралась на дерево и удобно там устроилась. Хотелось, конечно, есть, но не настолько чтобы отправиться на охоту и разводить костёр... я даже идти пить поленилась – настолько устала.

Утром, ещё до рассвета, Рравеш будит меня, дёрнув за хвост, и даёт одежду и обувь. Всё это – и то, что дёргает за хвост, а не за поводок, и то, что дал одежду, пусть она и рассчитана на среднестатистического мужчину, а не на девушку, кажется мне добрым знаком. Не желая продемонстрировать лишнего, я остаюсь всё в том же облике, что и на балу, разве что подрастив размер ноги – одежду можно перехватить поясом, а вот падающие сапоги так просто не подвяжешь...

– Тебе нужна моя помощь, паладин, а мне свобода, – говорю минут через двадцать пути. – Давай договариваться.

– Ты кровно заинтересована в моей долгой и счастливой

жизни, метаморф. О чём с тобой договариваться? – хмыкает лорд.

– Я заинтересована в том, чтобы твоё тело жило, а разум спал, паладин. Устроит ли тебя такая жизнь?

Я не блефую, разве что чуть-чуть. Сейчас, когда из всей былой силы у лорда в руках лишь мой поводок, он беззащитен перед ядами, а уж найти лишаящий разума и подсыпать – я смогу. Ну или нанять пару менталистов...

Паладин зыркает недобро, но крыть ему нечем. Требовать клятву под страхом смерти бесполезно – боги, к счастью, не слепы. Тому, кто под ножом у горла клялся, никакой кары за нарушение не будет. Как бы тому, кто нож приставал, не досталось...

– Смени облик, – требует лорд. Вероятно, напоминание о бале его злит. Ещё бы – встретились паладин и метаморф, и в результате этой встречи паладин пал жертвой страсти к метаморфу, что совсем не по канону. Должен был пасть метаморф от руки воина света...

Я моментально повинуюсь и меняю облик. Но Рравеш снова не рад – от вида королевы он отшатывается как от удара.

– Смени! – цедит сквозь сжатые зубы.

Я меняю на облик маркизы, и это, кажется, паладина устраивает. Да, я вредничаю, но лишь отчасти – во-первых, не хочу давать ни крупицы лишней информации о себе, во-вторых, любопытно и полезно посмотреть на реакцию.

Некоторое время мы идём молча, я не тороплю лорда – пусть подумает. Мне почему-то кажется, что он думает в нужном направлении...

Рравеш сменил одежду на простую и невзрачную, но осанка его всё равно выдаёт, как и излишне правильные черты лица. Аристократ. Чтоб его. Так и хочется косу откромсать и фингал поставить.

– Почему ты убила некроманта? – спрашивает лорд, когда начинает светать.

Признаться, что мне есть хоть какое-то дело до маркизы – немыслимо. Да и не нужно, никто не поверит.

– Чтобы не болтал, – коротко отзываюсь я. Как будто бы ему было кому и о чём болтать. – А вы?

Мой вопрос проигнорирован. Зато у паладина есть свой:

– Не он ли твой прежний хозяин, метаморф?

На этот раз я отвечаю максимально честно:

– Если бы это был он, я бы вырезала ему сердце, паладин.

– Вот как? – чуть вздёргивает бровь лорд. – Поступаешь так со всеми своими хозяевами?

– Со всеми, кто отказался меня отпустить, – огрызаюсь в ответ.

Мы идём ещё около часа молча – я очень рада, что лорду не пришла мысль обратить меня в лошадь, и только когда впереди показался край деревни, Рравеш подводит итог своих размышлений:

– Я дам тебе шанс, метаморф. Докажешь, что можешь

быть полезной и выполнять приказы, будем договариваться. Ослушаешься – убью прямо здесь.

Усомниться в словах паладина хочется, но не получается.

В деревне ещё все спят, и мы беспрепятственно проходим во двор одного из крайних домов. По какой-то причине там нет собаки, хотя будка стоит, и некому даже попытаться нас остановить или хотя бы поднять тревогу.

Лорд заглядывает в приоткрытое окно, и я тоже – в комнате только лишь молодая женщина, она спит, положив руку под щёку, и я слышу, как бьётся её сердце...

Зачем мы здесь?.. Задать вопрос вслух не успеваю.

– Убей её, – приказывает лорд, вышибая почву из-под ног моей надежды на пусть и не светлое, но хотя бы какое-то будущее.

– Что она вам сделала? – мрачно спрашиваю я. Вот не верю я, что у самого лорда первого паладина какие-то счёты к деревенской жительнице... она вообще ничем оскорбить его не могла. У неё даже и шанса отказать ему не было, я уверена. Они просто никогда не встречались.

– Ничего, – спокойно подтверждает мои выводы паладин. – Это проверка, как ты слушаешься приказов. Могу ли я тебе доверять, и будет ли от тебя хоть какая-то польза. Ну так что, метаморф? Могу?

Шею неприятно сдавливают поводок. Не больно, но красноречиво. Чтоб тебя!

Я как загипнотизированная разглядываю в окно мирную,

скромную и опрятную обстановку дома, безмятежно спящую хозяйку...

– Итак? – холодно торопит лорд. – Кто из вас умрёт?..

Зачем-то смотрю ему в глаза – там плещется всё та же тьма, даром что силы нет. Возможно, паладин всё-таки рехнулся? А впрочем, какая мне разница? И какое мне дело до этой женщины, что так беспечно оставила открытым окно и так неудачно попалась на глаза спятившему лорду? Никакого. Вот только почему-то накрывает ощущением непоправимой ошибки – надо было оставить лорда в Инквизиции, и пусть бы его казнили. С чего я вообще взяла, что он невиновен?..

– Раз, – говорит лорд, намекая, что времени у меня уже нет. Ни на сожаления, ни на выбор. Впрочем, какой может быть здесь выбор – между своим существованием и жизнью совершенно постороннего человека? Совесть? У метаморфа? Смешно...

Я поднимаю взгляд на небо – может, его паразит-таки молния? Должно же быть хоть что-то? Я не готова, не готова умирать прямо сейчас. Мне нужно ещё хотя бы несколько минут – вспомнить всё, что не успела сделать, мысленно повиниться перед мамой, проклясть врагов, до которых так и не добралась...

– Два. – Из поводка на шее лезут ледяные иглы, покалывая и поторапливая...

Третьего счёта я не дожидаясь – сделав обманное движе-

ние, словно собралась лезть в окно, нападаю на паладина. Я двигаюсь быстро, но он каким-то образом уклоняется, усиливает моё движение, и я пролетаю мимо, пусть и умудрившись сохранить равновесие, это неважно – стоит оказаться буквально в паре шагов от Рравеша, и я начинаю задыхаться. Это длится всего секунду, словно до этого лорд максимально набрал поводок, а теперь почему-то отпустил. Набрал... И только теперь отпустил. После моего нападения на него... Мысли путаются, сбиваются, то дружно отставая от ситуации, то наперегонки стремясь нагнать... У меня не было возможности выполнить жестокий приказ паладина. Мне бы не хватило длины поводка, чтобы убить хозяйку этого дома... Проклятый лорд и в самом деле меня проверял, вот только совсем не так, как озвучивал.

Я молча направляюсь прочь. Не знаю, какова теперь длина поводка, но это и не важно. Лучше задохнуться где-то за забором, чем показать Рравешу, насколько меня проняло... Меня трясёт от того, что я и в самом деле уже попрощалась с жизнью, а приговор отменили, мне хочется расплакаться впервые за много лет, и одновременно задушить проклятого паладина голыми руками, настолько, что они начинают дрожать...

– Ты странно себя ведёшь, метаморф, – говорит за моей спиной лорд. Наверное, это похвала.

Я же, видимо, и в самом деле не в себе – резко развернувшись, даю Рравешу пощёчину. Как обычная истеричная

придворная дамочка. Нет бы другой рукой, которой убивать собиралась...

Лорд и сам ведёт себя странно, словно чувствует вину – не уклоняется, не защищается... и даже никак не наказывает.

Глава 7

Я была настолько выбита из колеи этой вероломной проверкой, что молча ходила за лордом по деревне, не пытаясь никак огрызнуться или отомстить. Впрочем, это не значит, что я смирилась и простила. Просто месть хороша на холодную голову, а сейчас меня жжёт какой-то совершенно детской обидой – я готова биться об заклад, что девять из десяти людей выполнили бы приказ паладина, не задумываясь, если бы на кону стояла их собственная жизнь, так что за повышенные требования к метаморфу? Впрочем, Рравеш, кажется, и сам не ожидал. Возможно, он просто искал повод меня убить?..

Лорд бесцеремонно ворует мешковатое, неопределённого зелёно-коричневого цвета платье, а также чепец, болтающийся на верёвке на заднем дворе полуразвалившегося дома. Впрочем, не совсем ворует – скорее, покупает – на крыльцо кладёт золотой, прихваченный, видимо, всё там же, в лесном домике. Я смотрю, как мой мучитель натягивает платье, и чувствую, что меня, наконец, отпускает. Вот уже хочется язвить, или наступить незаметно на подол, заставляя непривычного к юбкам мужчину споткнуться и, если повезёт, упасть. Впрочем, лорд слишком высок, и подол платья едва прикрывает щиколотки, выставляя на обозрение явно не женского размера сапоги. Чепец лорд пока не надел, но

я уже предвкушаю. Пожалуй, это будет мой любимый образ на ближайшее время – во взгляде Рравеша на этот головной убор читается омерзение и самое настоящее страдание...

Сама идея, кстати, хороша. Искать будут одинокого мужчину, а не двух женщин, или женщину с мальчишкой...

Отсыпав примерно половину монет в карман, бывший паладин протягивает мне мешочек с оставшимися, кивает на дом, где во дворе стоит кривоватая крытая повозка.

– Добудь лошадь и повозку. Скажешь, что мы путешествовали с торговым обозом, но твоя тётка заболела, и нас высадили прямо в лесу.

Легенда неплоха, так что именно её я и вываливаю открывшему на стук недовольному мужику. Он подозрительно косится на меня, на забившуюся в конуру и оттуда потягивающую собаку – она оказалась трусливой, хватило всего одного даже не громкого рыка, чтобы она убралась с дороги, и уточняет:

– Чем заболела?

– Чем-то совершенно незаразным, господин, – уверяю я, демонстрируя содержимое мешочка. А затем активно почёсывая специально выведенную на щеке сыпь. – Чешется только и всё...

Мужик шарахнулся назад. Проследил, как на моей второй щеке медленно проявляется такая же сыпь, как на первой, снова взглянул на мешочек и решил:

– Бросай мешок. Лошадь сама запряжётся. Вон там, в са-

рае стоит... Смотри, корову мне не попорть!

Бормоча благодарности, я иду за лошадью. Всё-таки хорошо, что мужик согласился её продать. А то с паладина – теперь я в этом совершенно не сомневаюсь – случилось бы запрячь меня.

Мы выезжаем из деревни, попадаясь на глаза редким местным. Лорд сидит рядом со мной и старательно сутулится, кутаясь в плащ и прикрывая ноги подолом, я же правлю лошадкой и уже ничего от Рравеша не жду, когда он, наконец, говорит:

– Возможно, метаморф, с тобой и в самом деле можно договориться. – Я не спешу ликовать, после подобной проверки можно ждать чего угодно, и действительно – лорд добавляет: – Клянись, что никогда не причинишь физического вреда ни одному человеку.

Серьёзно? Лорд, ты бы ещё попросил меня торжественно самоубиться в конце договора. Впериваю в Рравеша мрачный взгляд. Чтобы создать хотя бы видимость уступки, тебе стоило бы добавить, паладин, что разрешается самозащита... Впрочем, я бы всё равно не согласилась – у меня есть счёт к Айгору и ещё троим людям, и они его оплатят, хочет того мой текущий хозяин или нет. Я умею ждать.

– Нет, – говорю я, наблюдая даже с каким-то странным удовольствием, как взгляд паладина снова затягивает презрением. – Не пойдёт, паладин.

Мы делаем небольшой привал в лесу, где я по приказу

Рравеша принимаю облик мальчугана-подростка, ещё недостаточно взрослого, чтобы быть призванным на военную службу или в Инквизицию, но и уже не настолько маленького, чтобы то, что он правит повозкой в одиночестве, вызывало удивление. Сам лорд доставил мне невероятное удовольствие: щедро зачерпнул рыжевато-бурой грязи и намазал на лицо. Засохнет и будет выглядеть пугающе и отталкивающе, словно и в самом деле какая-то кожная болезнь – то, что нужно.

– Тебе идёт, паладин, – не удержалась я. Когда ещё выдаться шанс, чтобы паладина лицом в грязь... – Помочь?

Зря ты его дразнишь, Ирби, ой, зря. Но если с Айгором всё было понятно, то в случае с Рравешем реакцию предсказать я не могла – то ведёт себя почти как с человеком, то устраивает такие проверки, от которых кровь стынет в жилах... Вот и сейчас – почему-то лорд и не подумал злиться.

– Зови меня “тётя Крис”, – невозмутимо отозвался Рравеш, старательно запихивая упрямо выбивающуюся косу под чепец. Пожалуй, когда всё закончится, и я буду свободна и богата, закажу себе портрет лорда в таком вот образе... – Как тебя зовут?

– Кто как, – не удерживаюсь от ещё одной провокации я. – Такие как ты обычно “тварью”... Крис.

Тут я, пожалуй, перестаралась. Внимательный взгляд, в котором вопреки всему всё так же плещется тьма – мне начинает казаться, что она слишком любит паладина, чтобы его

оставить, даже несмотря на блокировку силы, выразительно изогнутая бровь:

– Любишь такие игры, метаморф?

Сказал – словно в ту самую грязь макнул. Впрочем, сама подставилась.

– Фил, тётя Крис. Едем?

Застава встретилась примерно через пару часов пути, akurat перед мостом. Шерстили основательно, особенно мужчин всех возрастов, так что скопилась даже небольшая очередь. Инквизитор, судя по одежде, был всего один – молодой и неопытный... так что, можно сказать, повезло. Остальные – обычные стражники, всего шестеро, на все вопросы досматриваемых лишь пожимали плечами, иногда добавляя многозначительное – “приказ”...

Дошла очередь и до моей повозки.

– Кто такой, куда едешь, что в повозке? – уныло оттарабанил стражник. Ему было явно жарко в форме, а расстегнуться или того пуще – снять, при Инквизиторе он не решался.

– Фил из Гусиного, вот тётку больную в Храм везу... – и прежде чем стражник успел что-то добавить, заорала погромче: – Эй, тётя Крис, тут на тебя господа посмотреть желают! Выглядывай давай!.. Тётя Крис!

Разумеется, никто не выглянул.

– Открывай, показывай – морщась от моих криков, буркнул стражник. Остальные поглядывали на него с насмешкой,

и это его, очевидно, злило.

Я активно замотала головой.

– Давайте вы сами, добрый господин, а? Она ж больная, говорю вам... А я молодой ещё, куда ж мне проказу-то на всё лицо? А у вас обереги есть, наверняка... да и здоровье хорошее...

Судя по промелькнувшему сомнению на лице стражника, амулетов от заразы у него не было, да и в здоровье своём он не то чтобы сильно уверен...

– Не очень-то ты печёшься о тётке, – нарисовался рядом молодой Инквизитор. Я посмотрела в васильковые глаза – бывают же такие, словно само небо, при случае скопирую его образ... хотя Рравеш – куда красивее – мелькнула и пропала совершенно непрощенная мысль. Искренне ответила громким, надрывным шёпотом:

– Да вообще не пекусь, Ваша Милость! Подобную стерву, как тётушка моя, ещё поискать. Матушка вот очень просила отвезти... ну я и поехал. А если сдохла уже, так я мигом обратно поверну. Меня ж там Аринка ждёт... а за ней полдеревни ухлёстывает, ну как не дождётся? Или, того хуже, от тётки чего подцеплю? Как я потом некрасивым жить-то буду?! Вы уж посмотрите, а? Чай, сдохла?..

Симпатии моя пламенная речь не сыскала, но и подозрений, вроде, не вызвала. Только едва заметное чувство превосходства – дескать, чего от мелочных плебеев ещё ждать, не благородства же, в самом деле.

Инквизитор отдёргнул полог, заглянул в повозку, откуда пахнуло разными лекарственными травами, и, поморщившись – видимо, заценил облик тётушки, кивнул стражникам: – Пропускай...

* * *

Кристиан Рравеш, бывший паладин Его Величества Киррона.

Божьей милостью пока ещё живой.

Метаморф. Тварь магическая, редкая... можно даже сказать, редкостная.

Иногда казалось неправильным, что метаморф занимает его мысли в последние два дня куда больше, чем остальные и остальное... А с другой стороны, что толку прокручивать унижительные и болезненные воспоминания, уже сто раз всё перевспомнено-передумано и зацепок пока нет, кроме как раз метаморфа...

А тварь – вот она, под рукой, хоть в руки и не даётся, изучай – не хочу. Он и не хотел, да придётся, раз уж целых три раза не собрался убить. Слишком многое сошлось на ней. И, казалось бы, в чём проблема – даже с теми крохами сил, которые у него вопреки всему остались, он мог в любой момент причинить метаморфу боль, тысячи, десятки тысяч болезненных мгновений... но хватило одного раза, чтобы понять

– тварь боли не боится. Не любит, разумеется, даже, возможно, ненавидит, но не боится. Будет терпеть, потом придумает несколько лживых от и до историй, и будет их выдавать, может, вперемешку с правдой, и он, Рравеш, никогда не поймёт, лгут кривящиеся в гримасе презрения губы в данный момент или нет. Так что нужен другой способ. У него нет больше права на ошибку, и нет времени на то, чтобы играть в угадайку с тварью.

Первый раз он собирался ей убить ещё там, на злополучном балу у того несчастливого дерева, сначала её, а потом и хозяина – после обрыва связи на нём ещё до сих пор, наверное, остались следы заклęcia, а то и магические ожоги... не убил. Неведомое наваждение, название которому он даже затрудняется подобрать, сделало эту незнакомую, полностью магическую, бесполою тварь, самой желанной женщиной на свете. Пусть всего на пару часов, но этого хватило. Хватило бы и десяти минут – он оказался на редкость не стойким, а стечение обстоятельств крайне неудачным... Вспоминать суд и бледную до синевы королеву Иррийну, с искусанными в кровь губами, королеву, которая так и подняла на него взгляда, и, несмотря на то, что олицетворяет милосердие на королевском суде, кажется, впервые не дала подсудимому слова... Нет, лучше и не вспоминать.

Второй раз он хотел убить метаморфа сразу, как только вышел за территорию города. Вопросов к твари стало только больше, но личная выгода – вовсе не то, чем должен ру-

ководствоваться паладин, пусть даже и бывший. Почему передумал – сам не может сказать. Возможно, потому что она пришла за ним в Инквизицию и благодарность – истинно человеческое, вряд ли понятное метаморфу чувство, не дало прервать чужую, пусть и чисто магическую, жизнь...

Третий раз – сегодня утром. На этот раз Рравеш всё обдумал, признал, что тварь лишь искушает, но добиться от неё ничего не выйдет, и надо покончить с метаморфом раньше, чем мысль заключить сделку с тварью перестанет казаться ему преступной. Метаморф ведь и в самом деле очень опасен – не зря в классификации нечисти эти создания стояли в одном ряду с высшими демонами, и пусть учинить даже мало-мальски значимое стихийное бедствие метаморф не в состоянии, зато... Зато он виртуозно притворяется человеком. Вот и Рравешу вместо злобной магической сущности упрямо мерещился человек...

У метаморфа, кажется, не было никаких шансов. Рравеш прекрасно понимал, что поставь человека перед таким выбором, девять из десяти даже не дрогнут, прерывая чужую жизнь, особенно те, кому уже приходилось убивать... но тварь и сама играет нечестно – меняет лица, не упуская шанса ковырнуть ещё кровоточащие раны, ставит условия и откровенно насмехается... и всё это почему-то задевает за живое.

Мысленно паладин уже простился с метаморфом, смирившись с тем, что остаётся без подсказок, и, возможно, от-

казывается от единственного шанса вернуть себе силу и доброе имя, но зато, по крайней мере, останется честен перед самим собой – не вступив в сговор со злом, не поступившись принципами...

Тварь его уделала. Обманула настолько искусно, что он даже поверил на короткое время, что есть у неё принципы, и ей не всё равно кого убивать, и это настолько ошеломило, что он даже допустил пощёчину – как от настоящей женщины, и ещё какое-то время пребывал в иллюзии, что метаморф не такая уж и тварь...

К счастью, долго притворяться метаморф не стал. То ли не смог, то ли не счёл нужным – стоило заговорить о том, чтобы исключить убийства людей, и тварь практически перекошило от ненависти и злобы.

Нет, договариваться с тварью по-честному нельзя... но и убить теперь совсем сложно – поселилось всё же некоторое сомнение в его душе.

Тварь нужно просто использовать. Если понадобится – обмануть. И неплохо бы раздобыть дополнительную информацию – до этого метаморф Рравешу встречался всего один раз, и знакомство было недолгим...

Он прикрыл глаза, вызывая в памяти карту – если забрать немного южнее, будет небольшой городок, в котором, если верить Главному Инквизитору, что, конечно, сомнительно, но чем боги не шутят, филиал Инквизиторской библиотеки. А заодно там можно будет узнать слухи и сплетни – казни-

ли ли подлого изменника первого паладина, и кого по всей стране разыскивают...

Солнце поднимается всё выше и припекает всё сильнее, и вот уже в тесной, крытой повозке воздух стал раскалённым, и даже засохшая, казалось бы, намертво грязь на лице начала размокать от пота и сползать противными кусками...

Бывший паладин, рассудив, что от заставы они удалились уже на достаточное расстояние и, припомнив, что неподалёку должно быть озеро, где можно привести себя в чуть более нормальный вид, стукнул пару раз в стенку, приказывая метаморфу остановиться. Повозка плавно затормозила, и он полез наружу, прихватив две фляги с водой. Себе и метаморфу. Разумеется, тварь пить не будет – магическое существо, ему ни вода, ни еда не нужны, но надо же как-то эту нечисть приручать...

* * *

Паладин, как и следовало ожидать, спёкся в повозке весьма скоро. Впрочем, вытерпел он куда дольше, чем я думала, а когда вылез, выглядел настолько забавно – с облезавшей грязью на щеках и в сползшем набок чепце, что я не смогла подавить смешок. Впрочем, этим же смешком и подавилась – устроившись рядом со мной, лорд Рравеш забрал повод, а мне протянул... воду. В горле сразу стало невыносимо сухо – пить мне хотелось давно, но я как-то настроилась, что до

ближайшего привала у меня нет никаких шансов, а поесть получится, видимо, вообще только ночью... теперь же вода была у меня в руках, и желание сделать хотя бы глоток стало нестерпимым. И всё же... Я отвернула крышку и подозрительно, ничуть не таясь под пристальным взглядом паладина, понюхала содержимое. Проследила за тем, как он пьёт из своей фляги... Вроде бы, просто вода. Но как знать?.. Зачем отдельная фляга?

Мои сомнения лорд расценивает, видимо, как отказ – забирает воду обратно. Надо бы просто отвернуться и сделать вид, что ничего не произошло, или же обернуться птицей и найти в лесу любой ручеёк, если только хватит длины проклятого поводка, но я почему-то протягиваю руку и забираю у паладина его собственную флягу. Вода в ней пахнет точно так же, как и в той, что он предлагал мне. Была-не была, делаю глоток. Ещё один, и ещё... Гулять так гулять – допиваю всё.

Лорд молча принимает из моих рук пустую посуду.

– Спасибо, – заставляю сказать себя я. В конце концов, хорошее отношение к себе надо поощрять, особенно от того, кто держит в своих руках твою смерть.

Глава 8

К вечеру мы въехали в ворота какого-то небольшого городка. Рравеш смыл с лица почти всю грязь, здраво полагая, что больную кожной заразой крестьянку в город никто не пустит, однако стражи на воротах не оказалось в принципе. Путешествуй я одна, сочла бы подобную странность достаточным основанием для того, чтобы изучить обстановку, прежде чем соваться внутрь... но я была с новым хозяином, а ему либо напекло солнцем голову, либо от природы осторожности не досталось, и он направил порядком уставшую лошадку прямо в гостеприимно распахнутые ворота. Я покосилась на одиноко реющий над воротами алый флаг Инквизиции – свидетельство, что город под защитой, и промолчала. Город совсем маленький, видимо, раз паладины даже не сочли нужным отметить его своим, серебристо-синим флагом, вряд ли здесь больше двух инквизиторов, а то и вовсе один, и тот умениями не блещет... А Рравешу будет очень полезно оказаться в смертельной опасности – глядишь, охотнее начнёт договариваться.

Впрочем... кажется, ему и в самом деле голову напекло – готова поклясться, что паладин, чуть притормозив и прижавшись на телеге при въезде, чтобы осмотреться, затем прицельно правил к дому, на высокой крыше которого развивался младший брат алого флага на въезде...

Прохожие по дороге почти не встречались, а те, кто встретился, отводили взгляды, не желая по каким-то причинам встречаться глазами. У одного из прохожих – невысокого мужчины лет сорока я попыталась узнать, где постоянный двор, на что мужчина ссутулился ещё больше и, пробормотав что-то до крайности неразборчивое, но подозрительно похожее на “лучше уезжайте”, ускорил шаг.

Паладина данная ситуация отчего-то ничуть не смутила, и свернуть с намеченного пути не заставила.

– Решил сдать? – не выдержала и заговорила-таки, когда уже никаких сомнений не осталось, а алый флаг маячил совсем вблизи, буквально через пару-тройку домов. – Давай я тебя прибую? И мучиться будешь меньше – я куда гуманнее инквизиторов, и мне хоть какое удовольствие напоследок!

На самом деле, мне стало страшно. Вдруг он решил не сдать, а сдать меня? В обмен на... да, в общем, мало ли на что. На какую-то информацию, на помощь, на деньги, на что угодно... А может, надеется, что Инквизиция вытащит из меня то, что я не тороплюсь выкладывать по доброй воле? Не исключено, что Рравеш рассудил как и я – смертельная опасность сильно способствует желанию договориться... а возможностей испортить мне жизнь у него куда больше, как ни крути. Хотя бы только потому, что он после моей смерти будет жить, а вот я его ни на секунду не переживу...

Лорд ограничился насмешливым взглядом, делавшим его отчаянно непохожим на тётушку Крис, несмотря на чепчик

и платье, и меня захлестнуло досадой и гневом: он явно заметил и понял мой страх. С другой стороны, может быть, как раз намеренно пугает?..

Не знаю, что собирался сделать Рравеш на самом деле, но в дело вмешался случай – любимый сын богини, говорят, не повинующийся даже ей. Под ноги нашей неспешно бредущей лошадке бросилась женщина. Лошадь шарахнулась в сторону и, сделав пару попыток перейти в галоп, остановилась, женщина же, в последний момент опомнившись, отшатнулась назад, упала, и теперь просто сидела на мостовой, утирая беззвучно текущие слёзы.

Всё-таки тётушка из Рравеша получилась что надо – слушающая, как он хлопочет над пострадавшей, я только диву давалась: в первом паладине пропал знатный артист. И голос, и манеры, и движения... не всякий метаморф так справится с ролью противоположного пола. Можно было бы восхититься, но для меня это плохо – ибо свидетельствует о том, что лорд наблюдательный и предусмотрительный. Обдурить такого куда сложнее... Не дожидаясь, пока “тётушка” сгонит меня с телеги, я сама прыгнула, освобождая место и бросая любопытные взгляды на новую пассажирку.

Женщина была одета хорошо. Учитывая размер города, я бы отнесла её к зажиточным купцам, или даже не очень богатым аристократам, несмотря на заплаканное и опухшее лицо, возраст я определила довольно уверенно – около сорока, может, сорок пять, если пользуется какими-то магиче-

скими кремами...

Рравеш – вероятно, сказывается большой опыт утешения плачущих женщин, или же врождённый эгоизм – не пытался узнать, что у несчастной стряслось. Вместо этого он интересовался постоянным двором, рынком, ярмарками и обычаями, и в какой-то момент рыдания женщины будто выключили.

– Вы не местные! – воскликнула она, словно впервые нас увидела. Повторила, словно сама себе не веря: – Не местные!

– Не местные, – согласилась тётя Крис. – Переночевать бы нам где, подскажете, госпожа? И вас куда отвезти скажите, подвезём уж, чай...

– Уезжайте! – решительно велела женщина, я даже обернулась на неё посмотреть. – Прямо сейчас поворачивайте к воротам. Я дам вам денег, много, вам хватит, что бы вы ни искали в этом городе. Но уезжайте прямо сейчас, пока солнце не зашло.

– Как же это так, госпожа? – очень натурально расстроилась тётюшка. – Лошадка устала, еле ноги волочит, племянничек мой Фил тоже вон едва плетётся, да и куда ж мы на ночь глядя, а вдруг там звери какие... али того хуже – нечисть!

– Вся нечисть и так уже тут, – губы женщины искривились в горькой усмешке. – Городом правит вампир... и... и он требует... сегодня... себе... мою... дочь! – еле выдавив из себя эти слова, женщина снова заплакала.

– Съесть? – ахнула я в роли Филадельфия, беспрестанно оглядываясь. Ответом меня не удостоили.

– А что инквизитор? – спросил Рравеш, и я не могла не отметить, что талант ему, кажется, изменил. С чего бы простой крестьянке спрашивать так, словно и эта дама, и инквизитор обязаны держать перед ней ответ. Впрочем, погружённая в своё горе женщина ничего не заметила.

– Он давно нас всех предал... я здесь сойду, а вы уезжайте. Вот, возьмите... – женщина пихает тётушке туго набитый кошель.

– Вы хотите, чтобы мы увезли вашу дочь, госпожа?... – “догадывается” та.

– Никто из нас не может покинуть город, – горько вздыхает женщина. – Если останетесь на ночь, не сможете и вы. Если вообще выживете... Уезжайте. Просто расскажите палладинам, что здесь происходит... это должно закончиться, любой ценой!

– Но вы ходили к инквизитору, госпожа... надеялись на помощь?... – не успокаивается тётушка.

Уже спустившаяся с телеги женщина горестно смеётся и кивает на кошель в руках Рравеша:

– Я пыталась его подкупить, чтобы он уговорил вампира на другую жертву. Любую другую, хоть бы и на меня... все знают, что тварь продажна. Но он и пальцем не захотел шевельнуть!

– Паладины обо всём узнают, госпожа, – заверил Рравеш

женщину. Проводил взглядом её удаляющийся силуэт и перевёл взгляд на меня:

– Что стоишь, метаморф? Давай за ней. Скопируешь её дочь.

– И? – недобро прищуриваюсь я. Нет, женщину и её дочь мне жаль, с другой стороны, то, что они все не могут покинуть город, означает, что вампир и так пьёт их кровь. Вернее, вампиры. Ибо эти твари по одной не селятся, да и не сможет один контролировать целый город...

– И отправишься к вампирам, – видимо, Рравеш пришёл к тем же выводам касательно численности кровососов.

– На ужин? – уточняю я, старательно выгибая бровь. Паладин, ты что, совсем рехнулся? Не знаешь, как распорядиться подарком судьбы в виде метаморфа, так верни обратно, где взял, а лучше отпусти. Вместо того чтобы засовывать вампиру в пасть...

– Не думаю, что тебя там будут кормить, – хмыкает Рравеш. – Впрочем, если будут, можешь и перекусить.

“Жил да был дурак один, в чине “первый паладин”...”

Долго за женщиной идти не пришлось – она очень скоро свернула во двор ухоженного, довольно большого по меркам этого городка двухэтажного дома. Я прошлась вдоль забора, раздумывая, как быть. Дразнилка про паладина складывалась сама собой:

“...Строил глазки королеве для какой-то своей цели.

Метаморфа повстречал, крепко к дереву прижал...

Р-раз, и нету паладина, есть лишь тётушка Кристина”.

Пока я раздумывала, как быть и с какой стороны подступиться – не стоит ли поискать подворотню, чтобы перекинуться в кошку или птичку, и как потом быть с одеждой, в заборе отворилась неприметная калитка – чёрный ход, и оттуда выскользнули две девушки. Одна была одета в элегантное платье красного цвета, с чёрным поясом и довольно-таки глубоким декольте, которое она пыталась спрятать под постоянно распахивающимся плащом, другая же была одета в штаны и мешковатую рубаху, и безыскусно косила под мальчика. Впрочем, в городе, где не бывает приезжих и все всех знают, нет особого смысла стараться с маскировкой, тут скорее был вопрос удобства.

Девушка, наряженная в платье, меня не заметила вообще, та, что в штанах, скользнула взглядом, в котором вяло, шевельнулось любопытство, но она тут же отвернулась. Сёстры – это легко читалось по схожим лицам, быстрым шагом направились в ту сторону, откуда я только что пришла, и мне пришлось-таки спешно перекидываться в птицу и прощаться, по всей видимости, с одеждой – вряд ли я вернусь именно сюда. Впрочем, найду что-нибудь, не впервой.

Готова поспорить, девчонки что-то задумали. Точно не сбежать – кто же бежит без запаса еды и в таком неудобном, ярком платье?..

– ... ничего не выйдет! – с отчаянием шептала девушка в

красном, еле поспевая за сестрой.

– Хотя бы попытаемся! – зло и азартно отзывалась вторая. Наверное, люди назвали бы ту, что в платье, красавицей, а эту – с неровной стрижкой и мальчишескими манерами, хорошо если хотя бы симпатичной, но вот лично мне она нравилась куда сильнее. С каждой фразой, как её, так и сестры.

– Я боюсь, будет только хуже... – шепчет красавица в красном.

– Хуже? – искренне изумляется её бойкая сестра. – Есть куда хуже?

– А вдруг он придёт потом за нашей семьёй?

– Не придёт, если ты всё сделаешь правильно!

За пару домов до обители инквизитора девчонки разделились. Девушка в платье направилась к парадному входу, а другая скользнула в переулок. Интересно, что они собираются делать?.. Знают ли, что инквизитор уже отказал их матери?

Я опустилась на землю в паре метров от крыльца. Девушка нервно мялась, не решаясь позвонить. Я уже подумывала постучать вместо неё – я, конечно, не дятел, но клювом по двери и ворона может долбануть, но тут она окончательно струсила и собралась уходить...

Вспорхнув, я опустилась ей на плечо. Сжала его когтями, громко каркнула в ухо. Девица завизжала, дёргано взмахнула рукой, пытаясь от меня избавиться, я взлетела, успев клюнуть её в плечо. Не до крови, но чувствительно. Девушка по-

пятилась ближе к двери, я осталась сидеть на дороге, пристально за ней наблюдая. Вряд ли она поняла, что нужно делать, настолько быстро. И точно. Девушка попыталась сбежать в другую сторону. Я тут же оказалась перед ней, на уровне лица, пронзительно каркнула, и девушка шарахнулась к крыльцу. Ещё пара попыток сбежать, и девушка обречённо нажимает звонок.

Инквизитор не торопился открывать дверь, так что девушка бросила на меня жалобно-растерянный взгляд. В качестве поддержки и поощрения я снова села ей на плечо. Судя по задрожавшим губам и срывающемуся шёпоту “только не глаза, не выклёвывай мне глаза!”, подбодрить не получилось. Ну и ладно. Зато девушка протянула руку и толкнула дверь, которая оказалась не заперта, и даже без дополнительного стимула сделала шаг внутрь.

– Мистер Эван... вы дома? – нерешительно позвала, кажется, сама не зная, что лучше – рассерженный вторжением инквизитор или злобная ворона. Впрочем, учитывая, что уже через час-другой девушку ждёт вампир...

На зов никто не откликнулся, девушка застыла, опасливо косясь на меня, и я каркнула, посылая её дальше. Где, интересно, вторая?

На первом этаже не нашлось никого и ничего интересного, а вот на втором... на полу лежал труп. Из его груди торчал форменный кинжал инквизиции, а в кресле невозмутимо и эффектно устроился... паладин. В чёрном с серебром

костюме, вероятно, позаимствованном у убитого инквизитора, с книгой в руках и с самым невозмутимым видом.

– Ах! – сказала будущая жертва вампира, встретившись взглядом с тьмой в глазах паладина.

– Карр! – сказала я. У этого негодяя, видимо, всё-таки есть план? Или он просто пришёл пожить?

Рравеш молча и повелительно протянул руку, и я послушно перелетела на неё. Нет, совсем не от того, что решила беспрекословно слушаться хозяина, а чтобы пострадавшая от моего клюва и когтей девица точно знала, кого в этом винить. Паладин, вероятно, этого не понял – мало ему женщины лицо царапали, по крайней мере, он слегка погладил меня по перьям. Дурак, как есть, дурак.

– Вы... вы пришли меня спасти! – сделала неожиданный вывод красавица в красном и, ничтоже сумняшеся, сделав пару шагов, опустилась перед паладином на колени. Плащ запахнулся, открывая Рравешу вид на трепетную девичью грудь. Впрочем, уж не знаю, насколько девичью – слишком бесстыдно это красавица на него смотрит... а с другой стороны – что ей терять? – Пожалуйста, помогите... пожалуйста!

Рравеш внимательно изучил предлагаемый вид, потёр плечо, в которое я его совершенно случайно клюнула, и бархатным голосом пообещал:

– Я сделаю всё, что смогу, леди! Как ваше имя?..

– Анна, – прошептала девушка, заливаясь румянцем. Я

остро ощутила себя совершенно лишней. Но Рравеш пусть даже не рассчитывает на какое бы то ни было уединение. Хочешь интима – отпусти меня на свободу, лорд. Только так, и никак иначе.

– Анна... – мурлыкнул паладин, как оказалось, ничуть не смущённый присутствием метаморфа. – Раздевайтесь!

– Что?! – воскликнула девушка, краснея ещё больше... и тем не менее, хватаясь за корсаж.

– Карр! – возмутилась я не меньше девушки.

– Что вы себе позволяете?! – поддержала разговор очень вовремя подоспевшая, но застывшая в дверях от подобной наглости сестра Анны. – Кто вы вообще такой?!

– Мне всего лишь нужно ваше платье, Анна, – усмехнулся Рравеш, кажется, весьма довольный произведённым эффектом. – Разумеется, если вы не настаиваете на том, чтобы отправиться к вампирам лично.

Увы, оспаривать право отправиться в логово вампиров никто не стал, и оно с нелёгкой руки Рравеша досталось мне. Впрочем, спасибо и на том, что я не должна была справляться с кровососами голыми руками. Вроде бы. Лорд обещал мне суперэффективное оружие массового поражения. Надеюсь, не шутил.

Сестёр он запер на чердаке, уверив, что это сейчас самое безопасное место в городе. Возможно, так и было. Я же, скопировав Анну, облачилась в её платье и выжидательно уста-

вилась на Рравеша. Он не спеша и крайне торжественно водрузил на стол большую шкатулку, протянул мне какие-то перчатки из плотной кожи, и дождавшись, пока я их надену, откинул крышку.

Заглядывала я с опаской – из шкатулки шёл ослепительно-белый свет. Внутри обнаружились кристаллы, которые и давали свечение, буквально крича, что переполнены белой магией. Мне хотелось зажмуриться и отойти подальше.

– Бери, – сказал паладин. Ну конечно, кто бы сомневался. – У тебя перчатки, бери, не бойся.

Поколебавшись, я всё-таки взяла один. Перчатки работали на славу – ни боли, ни дискомфорта...

– Тебе надо взять с собой все, – тем временем инструктировал меня Рравеш. – Выгрузи где-нибудь в зале, где все соберутся, под стол, например. Один только оставь себе. Твоя задача – приложить кристалл к телу верховного вампира и сразу же бежать – хоть мышкой, хоть птичкой, но как можно дальше. В кристалле белая магия, она уничтожит вампира. От такого количества и прямого контакта не защитится ни один вампир. А остальные кристаллы срезонируют на тёмную силу, высвобождаемую при смерти твоей первой жертвы.

– Откуда? – спросила я, ощупывая платье на предмет потайных карманов. Заниматься прямо сейчас рукоделием, пришивая карманы, не хотелось. – И что, вампиры не почувствуют, что главное блюдо вечера... с начинкой-сюрпризом?

– Не почувствуют. Для верности можно в перчатку спрятать, но у этих кристаллов очень хорошая защита.

У меня было ещё очень много вопросов к паладину, вот только времени на то, чтобы выбивать ответы не было – солнце уже почти полностью скрылось за горизонтом, а значит лже-Анне пора навестить дом главы этого города. Впрочем, паладин не ответит, а кое о чём я и так догадываюсь: главная разница между инквизиторами и паладинами в том, что инквизитором может стать любой обделённый магическими способностями олух, в то время как паладины – все урождённые маги. Видимо, кристаллы – это сила, которую Инквизиция регулярно выделяла хозяину этого дома, а он не мог воспользоваться, так как был помечен вампиром? Или просто не хотел? Боялся?..

Одну перчатку я и в самом деле запихнула в карман – он всё-таки нашёлся, другую – запихала в декольте вместе с одним единственным кристаллом, предназначенным для верховного вампирюги.

Паладин, разумеется, со мной не пошёл, остался охранять сестричек... или сокровища инквизитора от сестричек. Вот тебе и “сделаю, что могу”... Наобещал, и в кусты. То есть, в кресло.

Впрочем, стоит признать, что наличие незнакомого мужчины в костюме инквизитора могло бы насторожить вампиров раньше времени. Как и в женском платье. Но паладина это ничуть не извиняет.

В общем, я брела одна по пустынным улицам, иногда замечая движения занавесок на тёмных или полутёмных окнах, и мне казалось, что я физически чувствую чужое облегчение. И чужой стыд. За то, что рады чужой беде, ибо лучше чужая, чем своя.

Говорят, вампиры ведут себя не так уж и дерзко. До смерти выпивают кого-то не чаще раза в год, а также всех приезжих, кого одобрит инквизитор. Зато от остальной нечисти защищают. Ни одного оборотня или упыря за последние несколько лет... Раньше? Раньше тоже не было, но тогда времена поспокойнее были, не то, что сейчас. Да и инквизитор был... посветлее.

До нужного дома я добралась минут за пятнадцать, и это совершенно точно было самое освещённое здание во всём городе. Словно вампиры мстят солнцу, пытаясь светом свечей и магических светильников переплюнуть его губительный для них свет. Ещё играла музыка – её было слышно за квартал. Что-то изысканное, со скрипками и флейтами, совсем не злое, скорее даже пронзительно-нежное... вокруг дома ни души, ни одного экипажа, ни одного зеваки. Вампиры не ездят на балы в экипажах, это дурной тон и показатель слабости – приходят туманом кто подревнее, кто помоложе – обычными летучими мышами... А зевачи... Зевачи вампиры любят. Нет, готовить не умеют, сырыми любят. Думаю, местные это быстро поняли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.